

АНАТОЛИЙ РОМОВ
СОВСЕМ ДРУГАЯ
ТЕНЬ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Анатолий Сергеевич Ромов

Совсем другая тень

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7591015

Совсем другая тень: роман / Анатолий Ромов: Центрполиграф; Москва;

2015

ISBN 978-5-227-05738-9

Аннотация

Анатолий Ромов – признанный мастер детективного жанра. По его сценариям и по мотивам произведений поставлено более десяти фильмов.

Пять из них, «Колье Шарлотты», «В полосе прибоя», «Алмазы шаха», «Фуфель» и «Чужие здесь не ходят», до сих пор регулярно выходят в эфир на различных каналах российского телевидения.

В романе «Совсем другая тень» московские работники прокуратуры вступают в борьбу, завязавшуюся вокруг особо опасного преступления.

Содержание

Договор	4
Банкет	23
Спутники	35
Скитания	55
На пленэре	71
К месту назначения	80
Проверка	84
Сдача товара	89
Расчет	97
Отъезд	99
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Анатолий Сергеевич Ромов

Совсем другая тень

Договор

Где-то внизу, прямо под моим ухом, мягко прожужжал телефон. В последнее время я слишком часто ночевал не дома – то на Сашкиной даче у Сенежского озера, то у Алены на Юго-Западе. Поэтому сейчас сквозь сон пытался понять, где же я. Нашупав на ковре у тахты свой телефонный аппарат, наконец сообразил: у себя дома.

– Алло? – сказал сонно в трубку.

– Серега, это я... – Голос Сашки Чиркова. Я окончательно пришел в себя и тут же вспомнил вчерашний вечер: мы с Аленой посидели в маленьком баре на Кропоткинской, потом поехали ко мне, но в середине ночи Алена вдруг попросила отвезти ее домой, и мне пришлось на своей шестерке проделать путь до проспекта Вернадского и обратно.

– Что у тебя с голосом? – спросил Сашка. – Неужели все еще спишь?

Мне показалось, что он звонит откуда-то издалека. Подняв на тахту телефон, ответил:

– Ну... допустим, я еще лежу.

– Понял. Ты не против позавтракать?

– Позавтракать?

– Да, вместе.

– Не против. Только что это ты вдруг?

– Есть дело.

– А... – Я помолчал. – Ты что, не в Москве? Что-то тебя плохо слышно.

– В Москве. Просто звоню из автомата. У меня сегодня выходной... – В трубке зашуршало. – Я заеду часа через полтора. И где-нибудь перекусим.

– Хорошо. А который час?

– Одиннадцать. В половине первого я у тебя. Договорились?

– Договорились...

Положив трубку, оглядел свое логово. Магнитофон, разбросанные по ковру кассеты, натянутый на подрамник холст. Квартира, как принято говорить, не прилизанная. Но она уютна для меня, моих друзей, Алены. Нас всех устраивает уют художественного беспорядка. Из-за прикрытых штор бьет солнце. Опять будет жарко. Впрочем, июльская московская духота ощущалась уже сейчас.

Встав и натянув плавки, наскоро сделал зарядку. После этого не удержался, подошел к зеркалу. Критически осмотрел собственную персону – для своих двадцати семи я не Геркулес. Но тут же успокоил себя: при общей худощавости и жилистости некоторые мои мышцы можно даже назвать рельефными. Вспомнил Алену, в которую, кажется, начал все-

ръем влюбляться, и отправился в ванную.

В начале первого я вышел на балкон. Моя светло-серая шестерка стояла на обычном месте – вторая справа в общем ряду машин. При взгляде на собственную машину поневоле вспомнил Чиркова. Ведь три года назад, когда я окончил Суриковку, у меня практически ничего не было. Мама умерла, когда был на втором курсе, отца в последний раз видел лет двадцать назад, перед тем, как он нас оставил. После смерти мамы мне пришлось перебраться в коммуналку. Я носил отрепья и не вылезал из долгов. Но к счастью, все это скоро кончилось – после того, как Чирков предложил мне помощь.

С Сашкой мы дружим с детства, с художественной школы. После школы он решил расстаться с искусством и поступил в медицинский, я же пошел в Суриковку. Конечно, мы продолжали встречаться. Три года назад Чирков сделал мне предложение. Предложение было простым как мычание. Я, лицо свободной профессии, располагаю своим временем, как хочу, но при этом бедствую. Сашка, наоборот, на зарботки не жалуется, поскольку работает в институте хирургом-косметологом. Но он не прочь получать больше, а заодно и помочь мне. Если мы объединим усилия, сможем делать довольно приличные деньги. И главное, без всяких нарушений уголовного кодекса. Кроме того, Сашка обещал найти покупателей на мои картины.

Услуги, которые я после заключения нашего соглашения делал для Сашки, были самыми разными. Он мог попросить

меня подписать какую-то ведомость, поехать куда-то «для представительства», отвезти в другой город кого-то из его друзей. Я отлично понимал, что, делая все это, могу находиться в миллиметре от нарушения уголовного кодекса. И вместе с тем мог поручиться за друга, как за самого себя. Подвести меня он не мог, это было просто исключено... К тому же я и сам не последний тюфяк. За эти три года, общаясь с Сашкой, многому научился.

Только я подумал об этом, как увидел затормозившую внизу Сашкину золотистую девятку. Махнув мне рукой, мой друг исчез в подъезде, а через минуту я впустил его в квартиру.

Сашка – голубоглазый брюнет. Как и я – среднего роста. Красивым его не назовешь, но он обаятелен. И самое главное, у него отлично подвешен язык.

– Ну что? – сказал Сашка. – Предлагаю «Якорь».

– Мне все равно.

– Значит, едем в «Якорь». Да, Вера интересовалась, не продашь ли ты ей картину?

– Вера Новлянская?

– Вера Новлянская. Обещала хорошо заплатить. Картина ей подойдет любая, лишь бы была твоя подпись. Уверен, меньше пяти штук она не даст.

Я выбрал одну из работ. Это был женский портрет, сделанный чуть ли не на третьем курсе. В картине было что-то типично мое. Как и всегда, жалко стало расставаться.

– Эта подойдет?

– Еще бы! Берем и спускаемся.

После того как мы доехали от Сокольников до Каланчевки, Сашка спросил:

– Как Алена?

– Все в порядке. Вчера виделись.

– Не упускай ее. Классная девочка.

– Постараюсь.

– Кто она? Я ведь видел ее только раз. Сколько лет? Учится, работает?

– Лет девятнадцать, учится в инязе на втором курсе. Насколько я понял, ее папа какая-то шишка в Госснабе. Все. Остальное ты видел сам.

– Еще как видел... Поинтересуйся, есть ли у нее подруги. Лучше, если поскорей, буду благодарен.

– Договорились.

– Почему ты не спрашиваешь, что от тебя нужно?

– Считаю, что уже спросил. Что нужно?

– Подвезти двух человек. На твоей машине.

Различные Сашкины просьбы я выполнял много раз и понял: подвезти в данном случае значит не просто подвезти. Поэтому, выждав немного, начал уточнять.

– Подвезти куда?

– Не знаю. Они сами скажут. Но насколько я понял, это может быть далеко.

– Что, не в Москве?

– Может, и не в Москве. Не исключено, ехать придется весь день.

– А кто «они»?

– Двое ребят. Понимаешь... Я должен оказать им услугу. Сам я не могу из-за работы. Но ты не должен светиться. Поэтому на это время изменишь внешность. И поставишь другой номер. Не пугает?

Просьба была в Сашкином стиле, поэтому я ответил почти не задумываясь:

– Не пугает. И когда это нужно?

– Завтра. Рано утром. Готов?

– А внешность и номер? Когда все это?

– Внешностью займемся к ночи. Причем тебе придется пойти на некоторые жертвы. Уж извини.

– А именно?

– Придется постричься наголо. И обработать лицо и руки мазью. Не волнуйся, вполне безобидной. Состав я разработал сам.

– Но зачем мазь?

– Мазь изменит вид твоего кожного покрова. Он покраснеет, побуреет, съжится. На сутки ты станешь старше лет на двадцать.

– На сутки?

– Да. Через двадцать четыре часа твоя кожа начнет принимать нормальный вид. Гарантирую, потому что проверял на себе.

– А зачем наголо?

– Для парика.

Я обдумал все еще раз, пока на площади Белорусского вокзала мы разворачивались на улицу Горького. Конечно, развлечением такую поездку не назовешь. Весь день за рулем, к тому же обмазаться какой-то мазью, остричься наголо. Но если учесть предложенный гонорар, условия вполне приемлемые. Впрочем, при наших отношениях я согласился бы и без гонорара. Только чтобы выполнить его просьбу.

Затормозив у «Якоря», Сашка спросил:

– Что затих? Думаешь?

– Перестань. Отвезу я твоих ребят. В лучшем виде.

– Спасибо. Честно говоря, гора с плеч.

– Да ладно тебе. Пойдем?

– Пойдем.

В ресторане, заняв столик у окна, мы заказали крабов, паровую осетрину, кофе и отлично позавтракали.

Допив кофе, Сашка поинтересовался:

– Кстати, вечером твоя Алена свободна?

– Не знаю. А что?

– Вера устраивает банкет в «Континентале». Мы с тобой приглашены. Если Алена прихватит подругу, почему бы нам не пойти вчетвером?

– Позвонить Алене?

– Конечно, позвони. Глупо не воспользоваться случаем.

– Ладно, уговорил. Но я буду говорить долго.

– Ради бога. Я подожду в машине.

Хлопоты

Набрав в будке телефона-автомата номер Алены, я почти тут же услышал ее голос:

– Да? Слушаю? Кто это?

– Привет. Это я.

Довольно долго вслушивался в тишину. Наконец Алена ответила:

– Привет. Не мог позвонить еще позже?

– Ты ждала звонка?

– Час назад. Теперь уже не жду.

– Алена... Я только что проснулся.

– Не знаю. Еще минут десять, и я бы ушла.

– Но ты могла позвонить сама – если уходишь?

– Ты думаешь, я не звонила?

Я поневоле улыбнулся:

– Алена, не сердись. Пожалуйста!

Несколько секунд трубка опять молчала. Затем я услышал:

– Ладно, что с тебя взять. Ты... просто так?

– Да... Но тут такое дело... Мы с Сашей приглашены на банкет. Может, пойдешь с нами?

Снова секундная пауза. Затем вопрос:

– А что за банкет?

– Устраивает одна наша знакомая. Московская гранд-дама. Хорошо, если бы ты прихватила подругу. Не очень урод-

ливую.

– Интересное требование. Для кого? Для твоего Саши?

– Для комплекта.

– Знаю я эти комплекты... Ладно. Мне как раз должна звонить одна подруга.

– Хорошенькая?

– Ты что, подбираешь кандидатуру на конкурс красоты?

– Да нет. Но все же мой друг...

– Успокойся. Думаю, у него глаза полезут на лоб.

– Ого!

– Вот тебе и «ого».

– Ну, если так... Попроси свою подругу приехать к тебе.

А мы будем часов в семь. Устраивает?

– Устраивает. В семь мы выходим. А вы ждите нас у подъезда. Пока?

– Пока.

Повесив трубку, я пошел к машине.

Услышав, что вечером мы можем заехать за Аленой и ее подругой, Сашка повернул ключ зажигания, дал газ. Проехав немного, сказал:

– Отлично. Учти, до вечера у нас не так много времени. Сейчас едем к тебе.

Не доезжая до моего дома, свернул в переулок.

Я покосился:

– Ты что?

Сашка остановил машину:

– Слушай внимательно. И постарайся не задавать вопросов.

– Слушаю.

– Сейчас доберешься до своего дома. Пешком, на троллейбусе, неважно как. Войдешь в квартиру и соберешь то, в чем пойдешь вечером в «Континенталь» и в чем поедешь завтра.

– А в том, что на мне, нельзя?

– Нельзя. Не забудь, завтра ты должен выглядеть лет на двадцать старше.

– По-моему, лет на двадцать старше так и одеваются.

– Может быть. И все же... – Сашка постучал пальцами по баранке. Ладно. Кроссовки оставь. Но тенниска у тебя слишком молодежная. Прихвати обычную рубашку. Желательно с длинными рукавами. И возьми что-нибудь на случай, если будет холодно.

– Куртку?

– Лучше пиджак. У тебя есть пиджак? Просто пиджак?

– Просто нет. Но я могу взять от костюма.

– Возьми от костюма. Не забудь захватить права, техпаспорт и собственный паспорт. Вещи сложишь в сумку и возвратишься сюда. Но только опять пешком или на троллейбусе, на свою машину даже не смотри. Понял?

– Понял.

– Ключи от машины у тебя с собой?

– С собой. В общей связке.

– Отлично. Действуй. Я буду ждать здесь. И учти: домой ты сегодня уже не вернешься.

Я вышел из машины, проехал одну остановку на троллейбусе и поднялся к себе в квартиру. Всех тонкостей я еще не понимал, но смысл плана был ясен: никто не должен видеть, как я выезжаю со стоянки под собственным окном. В квартире уложил в спортивную сумку туфли, пиджак от обычного костюма, летний костюм для вечера и для вечера же рубашку, галстук и носки. Помедлив, добавил электробритву, одеколон, зубную щетку. Достал и бросил в сумку паспорт. Кажется, все. Если что забыл, возьму у Сашки. Застегнул молнию, взял сумку и спустился вниз. На скамеечке у моего подъезда никого не было. С безучастным видом пройдя мимо собственной машины, я свернул в арку. Сел на троллейбус и уже через минуту открывал дверь Сашкиных «Жигулей». С облегчением откинулся на сиденье – положив сумку под ноги.

– Порядок? – спросил Сашка. – Ничего не забыл?

– Ничего. Взял то, что ты сказал.

– Когда выходил из дома, кто-нибудь тебя видел?

– Повезло. Скамейка у подъезда была пуста.

– Это еще ничего не значит.

– Обычно там кто-нибудь да сидит.

– С таким же успехом кто-нибудь может сидеть у окна.

Или на балконе. Документы взял?

– Взял.

– Где они?

– Права и техпаспорт в заднем кармане джинсов. Паспорт в сумке.

– Достань паспорт.

Я достал:

– Что дальше?

– Положи в карман джинсов.

– Но... ведь помнется?

– Не волнуйся, это ненадолго.

Я спрятал паспорт в джинсы:

– Что еще?

– Как у тебя с бензином? В твоей шестерке?

– Полный бак. И канистра в багажнике.

– Сейчас выходим и начинаем ловить такси.

– Зачем?

– Надо.

Я вылез из машины. Вместе с Сашкой вышли к улице, встали у обочины. Стояли довольно долго. Наконец, увидев вдали зеленый огонек, Сашка поднял руку. Притормозив, такси остановилось прямо перед нами. Сашка приоткрыл переднюю дверцу, взгляделся в парня нашего возраста:

– Шеф, извини. Допустим, нам нужно далеко? В область?

Парень свистнул:

– Ребята – только в пределах кольца. Уж извините. Нет.

– На нет и спросу нет. – Сашка захлопнул дверь. Парень дал газ, и «Волга» с шашечками уехала. Я с интересом по-

смотрел на друга. Тот усмехнулся:

– Не волнуйся, в область нам не нужно.

– А что нам нужно?

– Пожилой водитель.

Удовлетворила Сашку лишь третья остановленная им машина. За ее рулем сидел человек лет пятидесяти, с лысиной и небольшими усиками. Ничего не объясняя, мы забрались на заднее сиденье. Обернувшись, водитель некоторое время рассматривал нас. Наконец спросил:

– Куда, ребята?

– Да тут... – Сашка мотнул подбородком.

– Что «тут»?

– Такое дело... Так, между нами. Шеф, хочешь заработать?

Таксист неторопливо измерил нас взглядом.

– Заработать, как известно, хотят все. Вопрос как.

– Сейчас объясню, – сказал Сашка. – Знаешь, что такое ревнивая жена?

Водитель отвернулся. Хмыкнул:

– Примерно. Слышал от друзей.

– Серега, дай шефу документы... – Сашка легонько подтолкнул меня. Дай, дай. Паспорт, права, техпаспорт. Пусть посмотрит.

Я протянул несколько опешившему водителю документы. Взяв их, водитель краем глаза посмотрел на техпаспорт, и все вернул.

– Что дальше? Не пойму, ребята.

Сашка изобразил заминку:

– Понимаешь, шеф... Машина Сергея, моего друга, стоит во дворе. В конце этой улицы. А Серегу караулит жена. У окна. Может, на улице. Но уж точно караулит.

– А я здесь при чем?

– При том, что ты берешь ключи,ходишь во двор, садишься в машину и выводишь ее сюда. Мы даем тебе за это четвертак, и распрощались.

Некоторое время водитель раздумывал. Крякнул:

– Ребята, не получается. Может, вы просто хотите эту машину увести?

– А документы?

– А что документы? Документы подделали, и все.

– Шеф, о чем ты? Поддельные сразу видно. Посмотри еще раз. – Сашка взял у меня документы. – Смотри – паспорт, техпаспорт, права.

Водитель осторожно почесал пальцем шею.

Сашка добавил:

– Потом, если бы мы хотели увести машину, зачем нам лишние свидетели? Мы бы сами ее увели.

– Н-ну... – Водитель явно колебался.

Сашка снова протянул документы. Таксист занялся изучением. Больше всего его интересовал паспорт. Он сверил взглядом фотографию, посмотрел прописку. Вернул:

– Ладно. Кто не рискует, тот не выигрывает. Где ваша ма-

шина?

Сашка распорядился:

– Проезжай чуть вперед. Метров пятьсот. Там будет булочная – останови около нее. Только сверни в переулок.

– Счетчик включать?

– На твое усмотрение.

Поколебавшись, водитель все же включил счетчик. Подъехал к булочной, свернул в переулок. Затормозил:

– Здесь?

– Здесь. Серега, отдай человеку ключи.

Я протянул ключи. Таксист, повертев их, спросил:

– Я правильно понял, светло-серая шестерка?

– Правильно, – ответил я. – Только вход во двор чуть подалее. Войдете вон в ту арку. Завернете налево и сразу увидите. Вторая с краю.

Вышедший было водитель пригнулся:

– Братва... насчет четвертака не обманете?

Сашка достал двадцатипятирублевку:

– Держи.

Посмотрев бумажку на свет, таксист спрятал ее в карман:

– Другой расклад. Ждите, я быстро.

Пройдя по улице, он исчез в арке, и примерно через две минуты оттуда выехала моя шестерка. Остановившись рядом, водитель вышел, сел на свое место в такси, отдал мне ключи. Кивнул:

– Ваша?

– Наша, – сказал Сашка. – Как там – тихо? Жены не видно?

– Никакой жены. Тишина.

– Ну, шеф, спасибо. Век не забудем.

– Да ладно... – Он выключил счетчик, на котором значилось восемьдесят копеек.

Мы вышли, и такси тут же уехало. Сашка поморщился, глянув вслед, сказал:

– Кажется, здесь чисто.

– Могло быть нечисто?

– Могло быть все. А теперь садись и гони машину ко мне.

Встречаемся у моего гаража.

Во двор дома на Садовой-Сухаревской я подъехал раньше Сашки. Остановился перед окрашенным суриком ангарчиком – и почти тут же сзади затормозила девятка. Выйдя из машины, Сашка открыл двери гаража.

– Серега, скорей. Учти: зрителей хватает.

Завел машину в гараж. Здесь было полутемно, и все же я сразу заметил на верстаке две таблички с номером «я 26–14 МШ».

Сашка закрыл и запер изнутри дверь. Зажег стосвечовую лампу, скомандовал:

– Бери плоскогубцы. Чем скорее мы сменим номер, тем лучше. Остальное мелочи.

Таблички с другим номером поставили быстро. Вышли из гаража и, усевшись в девятку, подъехали к стоявшему рядом

Сашкиному дому.

Примерка

Сашка, как и я, живет один в однокомнатной квартире. Обстановка у нас примерно одинаковая: стенка, тахта, два кресла, телевизор, мохнатый напольный ковер. Единственное: в отличие от моего жилища, забитого холстами на подрамниках, здесь всего одна картина, да и то мой подарок, и чуть больше порядка – каждую неделю Сашкину квартиру по очереди убирают то мать, то сестра.

Войдя, я поставил сумку в угол, посмотрел на часы на стене – показывают полпятого. Сашка поймал мой взгляд, спросил:

– Во сколько мы должны быть у твоей Алены?

– В семь.

– И сколько до нее отсюда?

– Если постараться, полчаса езды. Ее дом на Вернадского.

Кивнув, Сашка стал рыться в секретере. Достал две книжечки, протянул:

– Твои документы. Чистая книжка технического паспорта. И чьи-то старые права. Техпаспорт мы сейчас заполним. Посмотри права. Посмотри, посмотри... А я сварю кофе.

Усевшись в кресло, я принялся изучать затертую красную книжечку. Права были выписаны четырнадцать лет назад на имя некоего Семенова Игоря Кирилловича, жителя города Москвы. По дате рождения владельцу прав сейчас исполнилось сорок девять, на фотографии же он выглядел лет на

тридцать пять.

Вышедший из кухни Сашка встал сзади – и некоторое время мы рассматривали документ вместе.

– С правами ясно, – наконец заметил он. – Завтра ты будешь выглядеть как раз лет на пятьдесят. Насчет же фотографии... Сам видишь, она сделана лет пятнадцать назад. Да и гаишники обычно на фото не смотрят.

– А техпаспорт?

– Техпаспорт, естественно, заполним на имя Семенова. С новым номером. Только номера шасси и кузова оставим твои, мало ли. Бывает, проверяют. Но вообще желательно, чтобы тебя не останавливали. Постарайся?

– Постараюсь.

– Давай техпаспорт. Заполним новый и полетим, как ветерок.

Взяв у меня техпаспорт, Сашка заполнил аккуратным ученическим почерком чистую книжечку. Номера шасси и кузова были оставлены прежними, номер же машины стал новым – «я 26–14 МШ». Владельцем Сашка записал Семенова Игоря Кирилловича. Закончив работу, потянулся:

– Все. Пьем кофе, моемся, бреемся и мчимся.

Сбросив кроссовки, стянув с себя носки, джинсы и рубашку, я уселся вместе с Сашкой на кухне. Выпил кофе, съел бутерброд и, достав из сумки электробритву, тщательно выскоблил подбородок. Спрятав бритву, остановился было перед зеркалом в прихожей, и в это время Сашка протянул

нечто, напоминающее спасательный пояс:

– Держи... Вдень руки вот сюда. В ремни. Вдень, вдень...

– Что это?

– Накладной живот. Для завтрашней поездки.

– Накладной живот? – Я вдел руки в ременные лямки,

Сашка застегнул сзади застёжки – и под моей грудью вырос набитый чем-то мягким пологий холщовый пузырь. Сашка подал старую футболку. Когда я надел ее, посмотрел прищурившись:

– А что... Полная натуральность, – сказал он. – Конечно, будет жарковато. Ничего, потерпишь.

Я погладил себя по животу:

– Сань, а не слишком? Зачем все это?

– Затем, чтобы тебя не узнали.

– Ну, а джинсы? Как я их натяну? И рубашку?

– У меня все есть. Рубашка, брюки от пижамы «Адидас», с резинкой. Ладно, снимай и мыться. Я за тобой.

Я стянул футболку, осторожно снял накладной живот и пошел под душ. Вымывшись, взял в руки утюг.

В девятку мы сели в двадцать минут седьмого – переодетые, в галстуках и идеально отглаженных рубашках.

Банкет

Без десяти семь наша машина остановилась у подъезда Алены. Дом у Алены был добротным – трехподъездная кирпичная шестнадцатизэтажка.

Выключив мотор, Сашка спросил:

– Как думаешь, они сильно опоздают?

– Минут на десять. От силы на пятнадцать.

– Ты вообще продумал, что сказать Алене?

– Что я ей должен сказать?

– Тебя ведь день-два не будет в Москве.

– Я разве обязан отчитываться?

– Нет. И все же?

– Скажу... еду на халтуру. В другой город. Сойдет?

– Сойдет. И все, о делах больше ни слова! Алена говорила, что из себя представляет ее подруга? Наверное, страшнее атомной войны?

– Наоборот. Сказала, у тебя глаза на лоб полезут. От ее красоты.

– Будем надеяться, – скептически заметил Сашка.

– Будем.

– Хорошо бы она еще жила в этом доме.

– Почему?

– Все-таки первая категория. И жильцы соответствующие.

– Где живет, ничего не знаю.

Мы сидели, изредка перебрасываясь короткими замечаниями. Наконец Сашка не выдержал, возмутился:

– Мы ждем уже полчаса!

– А что делать?

– Действительно, нечего.

В конце концов я облегченно вздохнул: из подъезда вышли Алена и стройная светловолосая девушка. Сашка при-
свистнул:

– Неужели наши?

– Наши.

– Люблю, когда девушки знают, что у них хорошие фигуры, и не собираются это скрывать.

Алена меня не обманула. Ее подруга была очень мила. Впрочем, я смотрел лишь на Алену. На ее темно-каштановые волосы, нежное лицо с широко расставленными серыми глазами. Подумал: она действительно очень красива, и не только с точки зрения художника. Насчет же фигур Сашка сказал из-за коротких платьев, напоминающих не доходящие до колен облака. Платье Алены было дымчато-серым, подруги – бледно-бирюзовым.

– Со своей Аленой сядешь сзади, – распорядился Сашка. – Хорошо?

– Ладно. – Я вышел и открыл дверцу, усадил Алену на заднее сиденье, ее подругу на переднее.

Алена улыбнулась:

– Мы не очень опоздали? Сережа, Саша, это моя подруга

Жанна.

У Жанны были столь редкие зеленые глаза, изящный вздернутый носик и пышные рыжеватые волосы.

– Очень приятно... – Сашка чопорно поклонился. – Вы вместе учитесь?

– Мы вместе живем, – сказала Алена. – В одном подъезде.

– Но учитесь отдельно?

– Жанна учится в школе-студии МХАТ. На актерском.

– О-о... Потрясающе!

Чуть помедлив, Жанна спросила:

– Почему?

– Потому что я бешеный поклонник искусств.

– Тогда кто вы? Чтобы я знала, кто мой бешеный поклонник? Художник?

Сашка включил магнитофон, притворно вздохнул:

– Увы, всего лишь хирург-косметолог. – Стал осторожно разворачиваться. – Как поедем? С ветерком или медленно?

Жанночка, как вы любите?

– С ветерком. Только хотелось бы знать, куда мы едем?

– Жанночка, сейчас я вам все объясню. Все, все, все...

Выехав на трассу, Сашка прибавил скорость. Проскочив несколько светофоров, сказал:

– Мы едем в Совинцентр. В ресторан «Континенталь». На банкет. Не против?

– Кто же будет против «Континенталья»? Только что за банкет?

– Некая наша знакомая, которую, скажем так, знает пол-Москвы, собирает своих друзей. Посидеть, поболтать, потанцевать. Только и всего.

– А... как зовут вашу знакомую? Если ее знает пол-Москвы?

– Вера Новлянская. Слышали?

– Знаете, Саша, нет.

– Тогда... – Он что-то сказал Жанне на ухо. Она рассмеялась. Сашка же, выпрямившись, продолжил рассказ о Вере Новлянской. Поскольку меня больше занимало то, что рядом со мной сидит Алена, половины того, что он говорил, я уже не слышал. К тому же я точно знал: главного о Вере Новлянской Сашка все равно не расскажет. Вообще Вера считается одной из известных московских красавиц, хотя ей около пятидесяти. Последний ее муж, заместитель министра, умер два года назад – и по этому случаю Вера сделала у Сашки очередную пластическую операцию. Не знаю, насколько искусны были врачи, работавшие над ней раньше, но теперь Вера, конечно в гриме, выглядит тридцатилетней женщиной. Сашка, понятно, рассказывал совсем о другом – о широте Вериней натуры. А также о тонком вкусе, любви к искусству и поклонниках. Изредка он оборачивался в нашу сторону, понимая, что Алена тоже его слушает.

Наконец девятка остановилась у Совинцентра. Поскольку здесь все швейцары хорошо знали и меня, и Сашку, мы были пропущены без звука. В ресторане метрдотель сообщил: бан-

кет дается во втором банкетном зале. Как только мы вошли в помещение, представляющее что-то среднее между маленьким залом и огромной комнатой, раздались оглушительные аплодисменты. Девушки смутились, но мы с Сашкой знали: на таких банкетах по привычке хлопают всем опоздавшим. Впрочем, может быть, сигнал к аплодисментам подала Вера, ослепительно царственная Вера, разместившаяся во главе П-образного стола. Мы посмотрели в ее сторону. Она тут же послала мне и Сашке воздушный поцелуй.

Администратор показал на свободные места, мы сели, и стоявший поблизости официант откупорил бутылку и разлил в бокалы шампанское. Сразу вслед за этим тамада провозгласил тост. Во время тоста оркестр из пяти человек несколько раз грянул «К нам приехал наш любимый».

Выпив и поставив бокал, я огляделся. Стол был богатым, публика же самой разношерстной, чего и следовало ожидать. Вера, как всегда, производила впечатление. Она почти не говорила, лишь выслушивала, улыбаясь, развлекавших ее наперебой гостей. Ее платье, безусловно, стоило огромных денег, но в то же время как будто ничем особенным не выделялось. То же можно было сказать о бриллиантовых серьгах и ожерелье, обращавших на себя внимание главным образом тонкой работой.

Банкет катился по накатанной колее. Вскоре тосты кончились, заиграла музыка, и мы вчетвером пошли танцевать. В том, что Алена прекрасно танцует, я мог убедиться раньше.

Жанна ей не уступала, Сашка же был просто в ударе. За стол мы вернулись, когда оркестр ушел отдыхать. Настроение было отличным, мы смеялись и разговаривали, перебивая друг друга. Нам никто не мешал, остальные, как водится, тоже разбились на группы. Лишь однажды Вера, подойдя, сказала.

– Не обращайтесь внимания – я на секунду. Девушки, я рада, что вы пришли. Сергей, насчет вашей картины, она здесь?

– Здесь. В багажнике у Саши.

– Я завезу ее завтра? – сказал Сашка. – В середине дня?

– Хорошо. Больше не буду вас мучить. Девушки, запомните: вы здесь самые красивые. – Улыбнувшись, ушла.

– Милая женщина, – сказала Алена.

– Очень, – согласилась Жанна. – Саша, я ее представляла другой.

Сашка поднял обе ладони:

– Ради бога, Жанночка, лишь бы вам понравилось.

Вернулся оркестр, и мы снова пошли танцевать. В середине танца Сашка выразительно глянул на часы. Я посмотрел на свои: без пяти одиннадцать.

Алена подняла брови:

– Спешешь?

– Аленка, через час у меня поезд. Я уезжаю.

– Куда?

– На так называемую халтуру.

– Это нечестно. Мог бы сказать раньше.

– Зачем портить вечер? И потом, я ведь приеду через

день-два.

– Откуда?

– Неважно. Из областного города со скучным названием.

Танец кончился. Я осторожно обнял Алену. Она прижалась губами к моему уху:

– Я буду скучать. Вспомнишь в своем скучном городе?

– Вспомню.

После того, как мы сели в машину, Алена уткнулась носом в мое плечо. Так мы просидели до самого ее дома. Выпрямилась она, когда Сашка, выключив мотор, повернулся к Жанне:

– Ну как? Есть претензии? Пожелания?

Жанна улыбнулась. Опустила ресницы:

– Саша, вы прелесть. Спасибо за чудесный вечер.

– Не стоит. Можем повторить. Жанночка, вы как насчет совместных встреч? Не против?

– Я, как Алена...

Сашка посмотрел на Алену, та вздохнула:

– Саша, естественно, я не против.

– Отлично. Проводить? Или дойдете сами?

– Сами. – Жанна выскользнула из машины.

Алена поцеловала меня, тихо сказала:

– Понимаю, у тебя не будет времени. Но если будет, позвони. Хорошо?

– Хорошо. – Я был почти уверен, что не позвоню, ведь я даже не представлял, куда поеду.

Кивнув Сашке, Алена вышла и догнала Жанну. Дождавшись, пока девушки скроются в подъезде, Сашка стал разворачиваться. Я же остро пожалел, что не могу остаться с Аленой.

Перевоплощение

Когда мы поднялись в квартиру, было пять минут первого. Себе Сашка постелил в комнате, мне на кухне. Подождал, пока я разденусь. Протянул небольшую баночку с бледно-желтой мазью:

– Обмажься. Причем хорошенько. Втирать надо до покраснения.

– Куда?

– Сначала обмажь руки до запястий. А я посмотрю. Давай.

Подцепив мазь пальцем, я начал обмазывать руки. Мазь втиралась хорошо, сразу же впитываясь в кожу. Минуты через три началось легкое жжение.

Сашка спросил:

– Чувствуешь что-нибудь?

– Чуть-чуть жжет.

– Так и должно быть. Притерпишься. Давай на лицо. По порядку: лоб, нос, щеки, уши, шея, грудь. Давай... Мази не жалей, пусть находит на волосы...

Тщательно втирая мазь во все эти места, я почувствовал: лицо, шею и грудь будто обложили перцовым пластырем.

– Терпимо? – поинтересовался Сашка.

– Терпимо. Может, хватит?

– Ладно, хватит. – Взял баночку, завинтил крышку. – Ложись. Встаем в полпятого. Я поставлю свои часы. Ты – свои. Будит тот, кто раньше проснется. Все, спокойной ночи.

– Спокойной ночи. – Я поставил часы на полпятого. Выключил свет. Натянул простыню, попробовал понять, мешает ли мне жжение... И почти тут же заснул.

Меня разбудили легкие толчки в плечо. Спать хотелось безнадежно. Но поскольку толчки продолжались, заставил себя приоткрыть глаза. Сашка... В неясном свете белело его лицо.

– М-мм, Сашка... Я сейчас, – промычал я.

– Серега, пора. Вставай.

– Ага... – Сделав усилие, я сел на кровати. Взялся ладонями за лицо. Что у меня с ним?.. Вспомнил: мазь. Интересно – подействовало? Посмотрел на Сашку. Он кивнул:

– Порядок. Посмотри в зеркало.

В ванной, еще не очухавшись от сна, я долго всматривался в себя. Точнее, в кирпично-бурую маску, которой стало теперь мое лицо. Эффект был потрясающим: я действительно стал старше лет на двадцать. Причем действие мази было неодинаковым – в одном месте кожа пошла пупырышками, в другом казалась обожженной, в третьем покрылась неровными, типично старческими пятнами. Изменились и некоторые черты лица. Нос от общей припухлости казался еще меньше, губы – толще. Плеснул в лицо водой и снова посмотрел в зеркало. Сейчас я похож на крепкого загорелого старика.

Поднял руки – кожа до запястий тоже побурела, съежилась.

В ванную заглянул Сашка, спросил:

– Не очень испугался?

– Да нет. Это точно сойдет?

– Точно. Идем стричься. Давай-давай. Времени нет.

Я уселся на кухне. Сначала Сашка действовал ножницами. Потом, намывлив голову, тщательно выбрил остатки моих волос безопасной бритвой. Смочил одеколоном. Протянул парик. Я повертел его – волосы были седыми и короткими.

– Надевай осторожней, – предупредил Сашка. – Виски и затылок на липучке. Вообще же это – вершина искусства. Можешь убедиться.

Натянул на голову легкую шапочку. Разгладил. Места у висков и затылка сразу же прилипли к коже. Подошел к зеркалу. Сашка прав, парик можно смело считать вершиной искусства. У меня на голове топорщился самый натуральный седой бобрик. Сколько я ни вглядывался, так и не мог понять, где кончается моя кожа и начинается парик.

Сашка подал накладной живот:

– Последнее усилие... И учти, из гаража нужно выехать в полшестого. Кивнул на сложенные вместе белую рубашку и синие с тройными лампасами брюки от пижамы «Адидас», сверху лежали очки в черепаховой оправе.

– Для солидности. Не бойся, они без диоптрий. Обычные стекла...

Накинув рубашку, я с сомнением взял брюки. На живот

они налезли с трудом, резинка натянулась до предела. Мой собственный пиджак на животе, конечно, теперь не сходил-ся.

Взглянул в зеркало. Оттуда на меня смотрел не имевший со мной ничего общего человек лет пятидесяти. Такой человек мог быть начальником отдела снабжения. Или, допустим, директором кинокартины. Впрочем, он мог быть кем угодно.

– Есть хочешь? – спросил Сашка.

– Поем в дороге.

– В машине. Кстати, я тебе заварил чай в термосе. Надень кроссовки. Когда я надел кроссовки, сказал: – И послушай. Из моей квартиры выйдешь один. Выведешь машину, гараж запири. Ключ от гаража останется у тебя. Когда их отвезешь, внешность не меняй. В Москву возвращайся в том же виде – в парике, с животом и в очках. Как только въедешь в Москву, позвони мне из первого же телефона-автомата. Я скажу, что дальше. Без моих указаний ничего не делай.

– Ясно. Деньги понадобятся?

– Возьми полсотни. На всякий пожарный. – Подождал, пока я положу в карман две двадцатипятирублевки. Протянул две уже знакомые мне книжечки. Это права и техпаспорт на Семенова. Свои документы оставь. Сейчас доедешь до Лесной. Там есть маленькая химчистка. Ближе к Новослободской. Встанешь возле. Ребята обещали подойти в шесть.

– Как я их узнаю?

– Я их не видел. Зовут Юра и Женя. Других данных у меня

нет. Им известно, что тебя зовут Игорь Кириллович. И что у тебя светло-серая шестерка.

– Считаешь, этого достаточно?

– А что еще нужно? Назовутся, посадишь. И возьми поесть. Возьми, возьми. В дороге можешь не купить.

Вместе сделали бутерброды с сыром и колбасой, положили их в два полиэтиленовых пакета. Сунув по пакету в боковые карманы пиджака, я прихватил термос, кивнул на прощание и вышел из квартиры.

Спутники

Ровно без пяти шесть я остановил машину у химчистки на Лесной. Улица была пуста. Через минуту к остановке, находившейся впереди, подошел трамвай. Сошло три человека. Никто из сошедших в мою сторону даже не посмотрел. Решив не ломать голову, я позавтракал. Завтрак был простым – я налил в крышку от термоса чай и достал из пакета бутерброд с сыром. Подумал: Сашка явно перебрал с предосторожностями. Меня давно уже раздражала его слабость – он любил темнить. Впрочем, плевать, я готов к самому утомительному пути. Парик и пояс с накладным животом особых хлопот мне не доставляют, из окошка со спущенным стеклом тянет утренней свежестью, я молод. И даже если на горизонте появятся заботы, они будут вполне устранимы. Ко всему прочему у меня есть Алена, при одной мысли о которой все становится прекрасным и легко достижимым. Конечно, Сашка излишне затемнился, но знаю совершенно точно – он никогда не подставит меня под удар. А это главное. Снова придя в хорошее расположение духа, включил магнитофон. В этот момент из остановившегося впереди трамвая выпрыгнули два парня.

На вид им было под тридцать. Один, довольно высокий, выглядел мягко-упругим. В его лице, в коротких темных волосах, даже в походке было что-то кошачье. Второй, коре-

настый длинноволосый блондин, если чем и выделялся, то только ровным густым загаром. Подождав, пока трамвай уйдет к Белорусскому, – мне показалось, парни ждали слишком уж долго, – оба перекинули через плечо спортивные сумки и двинулись в мою сторону. На высоком были застиранные джинсы, черная футболка и обвязанный вокруг горла серый пуловер. На коренастом – бежевые вельветовые брюки и голубая нейлоновая куртка.

Подойдя к машине, высокий пригнулся:

– Простите, вы Игорь Кириллович?

– Игорь Кириллович.

– Доброе утро. Я Юра, это Женя. Можно к вам?

Других Юры и Жени, способных предположить, что я – Игорь Кириллович, в природе существовать не могло. Я кивнул:

– Садитесь.

Пока они по очереди влезали в машину, я изучал их в зеркале. Самые обычные парни. Забравшийся последним коренастый Женя хлопнул дверцей и посмотрел на соседа. Тот пожал плечами. Поставил сумку под ноги. Мы довольно долго молчали. Наконец я спросил:

– Куда едем?

– На Минское шоссе, – сказал Юра.

– Просто на Минское шоссе?

– Просто на Минское шоссе. Там мы скажем.

Сашка меня предупредил: хозяевами во время поездки

будут они. Поэтому, включив без лишних слов мотор, я стал выбираться на Кутузовский. Ехать старался аккуратно, особенно вблизи возможных постов ГАИ. Музыка не выключил, впрочем, кассета скоро кончилась. С заднего сиденья не раздавалось ни слова. Я тоже молчал. Так, в молчании, мы проехали весь Кутузовский и Можайку.

На Минском, сразу после кольцевой дороги, Юра сказал:
– Скоро будет мотель. Остановите там ненадолго.

До мотеля было еще довольно далеко. Потянулась типичная пригородная местность – с заборами, пустырями, редкими строениями, полями... Дождавшись, пока слева покажется знакомое высотное здание, я занял правый ряд.

Юра склонился ко мне:

– Можно встать в кустах?

– Где именно?

– Вон там, – показал он. – Радиатором к трассе.

Я всмотрелся: впереди полоска кустов, несколько деревьев. Подъехав и развернувшись, подал машину задом, загнал в кусты.

– Постоим немного и поедем дальше. Ничего?

– Ничего.

Сменив два раза кассету, я сделал вывод: мотель моих спутников не интересует. Они следят за машинами, идущими из Москвы. Прошло, наверное, около часа, когда сидящий прямо за мной Женя кхекнул. Я посмотрел вперед: мимо плывет длинный трейлер. На серебристом кузове сине-

ют большие, около метра высотой, стилизованные буквы: «Мосгортрансагентство». Ниже чуть мельче: «Междугородные перевозки». Ни номера, ни тех, кто сидит в кабине, я заметить не успел. Фура шла около ста двадцати в час. Вообще-то ничего особенного, трейлеры всегда идут на такой скорости.

Юра опять склонился ко мне:

– Игорь Кириллович, нам за этим трейлером.

Подгадав интервал, я резко выехал на шоссе.

Примерно через полкилометра Юра заметил:

– Желательно идти ровно. Не отставать, но и не приближаться.

Не так это просто, подумал я, идти ровно. Трейлер пока еще виден. Между нами не меньше десяти машин. Такие фуры, как правило, жмут по трассе, ничего не замечая. Им все нипочем. Но моя шестерка – не фура.

Обогнав несколько легковушек, я наконец поймал скорость, пристроившись в общий поток. Спросил:

– И долго мы будем так идти?

Мне показалось – они не сразу нашлись, что ответить. Около минуты в машине стояло молчание. Наконец Женя ответил:

– Примерно до Смоленска.

До Смоленска... Это три с половиной часа езды. В лучшем случае. Я слегка повернул голову к своим спутникам, сказал:

– Прилично.

– Ничего не поделаешь. Нам нужно пересесть на этот трейлер, – пояснил Юра.

– А до Смоленска пересесть нельзя?

– Сначала мы должны переговорить с водителем. Тут, на трассе, сами видите, не до переговоров. А за Смоленском у них стоянка.

– Он там два часа будет стоять, – добавил Женя. – Все спокойно решим.

Пожалуй, они правы, подумал я. Шоссе забито. К тому же я не представляю, что за переговоры они собираются вести, чтобы пересесть на трейлер. Ладно, это их заботы. Моя забота – держаться за трейлером до Смоленска. Пока я чувствую себя свежим. Но за баранкой я с половины шестого. Сейчас без двадцати восемь, скоро наверняка наступит жара. Три с половиной часа по жаре, да еще без остановок, не шутка. Впрочем, мне ведь приходилось делать и не такие перегоны. Потерпим. Если ехать без задержек, мы должны проскочить Смоленск в начале двенадцатого. Не самый худший вариант. Особенно, если они действительно отпустят меня на той стоянке.

Я мягко нажал на акселератор, обгоняя очередную машину. Трейлер впереди шел в левом ряду, не сбавляя скорости.

В начале десятого мы уже катили по Смоленской области, приближаясь к Вязьме. Он нее до Смоленска часа полтора хорошего хода. За все время пути я лишь раз остано-

вил машину, чтобы долить в бак бензин. И заодно дать отдых спине. Дистанцию между нами и трейлером я теперь держал неплохо. Фура ни разу не скрылась из виду и не приблизилась больше, чем на шесть машин. Жара действительно наступила. Но из-за опущенного стекла я ее почти не ощущал, хотя на мне был пиджак да еще накладной живот.

После Вязьмы, последнего крупного населенного пункта перед Смоленском, на шоссе стало свободней. Временами между нами и трейлером вообще не было машин. В один из таких моментов я обернулся:

– Может, догоним? Шоссе пустое.

– Давайте уж до стоянки, – сказал Женя. – Раз решили.

Здесь не тот участок.

Он оказался прав, через несколько минут я заметил метрах в трехстах впереди фигуру милиционера. Постовой стоял на пустынной правой обочине перед мотоциклом, похлопывая жезлом по голенищу. От самой Москвы я ехал без нарушений. Ни разу не превысил скорость, аккуратно притормаживал после знаков и у населенных пунктов. Но ведь постовой ГАИ может остановить машину просто так, для проверки.

Я следил за милиционером. Сейчас от него до трейлера было метров пятьдесят. Может, он обратит внимание на трейлер? Нет, фура прошла мимо без всяких препятствий. Поскольку других машин на шоссе не было, стало ясно постовой прицелился на мою шестерку. Так и оказалось. Ко-

гда между нами и мотоциклом осталось метров сто, рука с жезлом медленно поднялась. Подъехав ближе, я увидел лицо постового. Это был белесый худощавый лейтенант. Убедившись, что сигнал замечен, лейтенант опустил руку. Я затормозил.

Пригнувшись к окну со спущенным стеклом, лейтенант взял под козырек:

– Инспектор поста ГАИ Козлов. Разрешите документы?

Вообще в том, что он меня остановил, ничего страшного нет. И все же показалось – я слышу стук собственного сердца. Техпаспорт меня не беспокоил. Но вот права... Ведь там фотография другого человека. Впрочем, лейтенант как будто вполне безобидный. Светлые глаза под выгоревшими бровями рассматривают меня спокойно, без неприязни. Я достал права и техпаспорт. Стараясь не спешить, протянул:

– Пожалуйста.

Взяв документы, лейтенант начал перелистывать техпаспорт. Посмотрел все страницы. Закрыл. Сейчас начнет изучать права. Подумав об этом, я отвел глаза в сторону. Прислушался к стуку мотора. Чего я боюсь? Я ведь ничего не нарушаю. Ну парик, ну накладной живот. Пусть даже чужие права. И что? В любом случае уголовный кодекс я не нарушил.

Прошло несколько секунд, и лейтенант вернул документы. Спокойно сказал:

– Игорь Кириллович, будьте осторожны.

– А что? – Я нарочно задержал руку с документами в кармане, чтобы перевести дыхание.

– Впереди ремонт дороги. Скорость снижайте заранее.

– Простите. Это далеко?

– На четвертом километре отсюда. Желаю счастливого пути.

– Спасибо. – Отъезжая, увидел в зеркало: лейтенант снова встал у мотоцикла, хлопнул жезлом по голенищу. Все мои страхи впустую. Раз лейтенант отпустил, значит, номер, который раздобыл Сашка, абсолютно надежен. Через пару минут я тем более вздохнул с облегчением – впереди на шоссе стоял асфальтовый каток и знак, предупреждающий о дорожных работах. Выходит, лейтенант не обманул. Вползая на уцелевшую от ремонта узкую ленту дороги, посмотрел в зеркало. Юра и Женя сидят спокойно. Лишь метров через двести Женя произнес:

– Вообще-то желательно его догнать. До Смоленска.

– Догоним...

Сразу за развороченным участком, прикинув, что вряд ли после встречи с лейтенантом наткнусь на пост, нажал на акселератор. Через минуту стрелка спидометра подползла к отметке «150». Шоссе хорошо просматривалось, машин впереди почти не было. Временами к самой обочине подходил лес. В эти моменты нас броском накрывала тень. Держалась она недолго. Минут через пять деревья снова уступали место всхолмленным полям, заболоченным низинам, редким селе-

ниям. Так, не снижая скорости, мы шли примерно с полчаса, но трейлер впереди не показывался. Постепенно скорость пришлось сбавить – машин на шоссе становилось все больше. Пролетел указатель: «Смоленск – 20 км». Я уже начал беспокоиться, когда увидел далеко впереди на полого поднимающейся дороге серебристую фуру. Сделав несколько обгонов, легко восстановил привычный интервал. То, что трейлер тот же самый, определил по черному номеру на задних дверцах: 66–15 МШ.

– Все, Смоленск, – заметил Женя.

Я посмотрел на часы – десять минут двенадцатого. Нормально. Несмотря на две остановки, средний график выдержан. Основной поток транспорта сворачивал сейчас влево, к лежащему в стороне от трассы городу. Лишь единичные машины шли дальше, к Минску. Туда же, не снижая скорости, прошел трейлер.

Юра попросил:

– Сбавьте, Игорь Кириллович. Пусть спокойно уходит на стоянку.

Я начал отпускать акселератор. Вдруг понял: шесть часов за рулем что-нибудь да значат. Сейчас я думаю только об отдыхе и хочу только одного выпрямиться. И хоть немного полежать. Полежать, ни о чем не думая. На заднем сиденье у меня есть шкура. Вытащу ее и брошу на траву. лягу и буду лежать. Кроме того, я голоден как волк. Конечно, полтермоса чая и несколько бутербродов меня не спасут. Но даже эта

еда представляется сейчас несбыточной мечтой.

Проехав еще немного, спросил:

– Что, неужели приехали?

Женя посмотрел на Юру. Тот ответил:

– Пока рано говорить. Стоянка километров через пять.

Там будет знак. Нам нужно встать в лесу метров за двести.

– Встать и все?

– Не все. Подождете нас, пока мы будем договариваться.

Нам важно, чтобы на стоянке не было других машин.

– Понятно... – Я сбавил еще. Машина шла под восемьдесят, но казалось мы еле ползем. Посмотрел вперед, туда, где шоссе закрывал лес. Трейлер как раз подходит к этому месту. Вот скрылся за деревьями. Через пару минут мы тоже будем в лесу. Решено, как только они уйдут договариваться, я вытащу шкуру. И буду лежать. И пусть все остальное катится к черту.

Лес, в который мы въехали, был не очень густым. Темневшие вдоль дороги ели и сосны перемежались островками березняка. Изредка пространство между деревьями забивал плотный кустарник. Почти всюду росла черника. На шоссе впереди не было ни одной машины, лишь два раза нас обогнали на большой скорости легковушки. Значит, трейлер уже на месте. А вот и знак впереди: до стоянки двести метров.

Женя сказал:

– Свернуть нужно здесь, до знака. Въезжаем прямо в лес.

Я показал головой на просвет между деревьями:

– Здесь подойдет?

– Подойдет.

Крутанул баранку. Проезд был не идеальным. Машина переваливалась на кочках, под колесами то и дело трещал мелкий кустарник. Но выбирать не приходилось. Я протащил шестерку метров пятьдесят, тыкаясь в разные стороны, отъезжая и снова подавая вперед. Наконец заметил небольшую полянку. Свернул на нее, остановил машину, выключил мотор.

Несколько секунд мы сидели, не двигаясь.

– Ну как? – спросил я.

– Порядок. – Юра достал из-под ног сумку. Открыл дверцу, вышел. Коротко потянулся. Постоял, задрал голову.

Я осмотрелся. Кажется, полянка выбрана удачно. Вокруг растет орешник. Пространство под колесами сплошь заросло черникой. На какое-то время мне показалось, что мы окружены абсолютной тишиной. Лишь немного погодя услышал – вокруг шумит листва и кричат птицы. Других звуков не было, если не считать изредка возникавшего на шоссе шума машин.

Юра вздохнул:

– Есть хочется. Женя, есть будем?

– Нет. – Женя вышел из машины. – Пойдем.

Юра наклонился:

– Вы поесть взяли, Игорь Кириллович? У нас бутерброды

и сок. Хотите?

– Спасибо. У меня тоже бутерброды. И чай.

– Тогда мы пойдем. Подождете нас?

– А сколько?

– Так... – Юра посмотрел на Женю. – Пожалуй, два часа.

Сейчас двадцать минут двенадцатого. Если двадцать минут второго нас не будет, все в порядке – можете уезжать. Так, Женя?

Женя неопределенно повел плечом.

– А если вы вернетесь?

– Если вернемся, тоже вас долго не задержим. Еще часа два, не больше.

– Опять ехать?

– Н-ну... – Женя перекинул сумку через плечо. – Расклад простой: если сейчас на стоянке только наш трейлер, порядок. Если нет, будем ждать. Когда он останется один.

– А не дождемся, снова поедем за ним, – сказал Юра. – Попытаемся остановить где-нибудь на шоссе. Когда он свернет с магистрали.

Женя подошел к кустам. Отогнул ветку:

– Мы пойдем. Не уходите с этого места, хорошо?

– Хорошо.

Оба вошли в кусты и исчезли. Шума я почти не услышал, лишь раз треснула ветка. Посидел в тишине. Отстегнул ремень, открыл дверцу. Встал во весь рост, потянулся. Вдруг осознал – в мире есть немало прекрасных вещей, и

одна из них – несколько секунд постоять вот так. Выпрямившись, даже выгнувшись, ощущая, как сладко ноет спина, отдышающаяся после шести часов дороги. Воздух по-настоящему лесной. Густой, прохладный, полный запахов травы и хвои. Вдохнул его полной грудью. Впереди два часа отдыха! Я могу делать что угодно, забыв о дороге и потной баранке под ладонями. Прежде всего, конечно, поем. Потом, если удастся, посплю. Ну а потом, потом видно будет.

Ставив с заднего сиденья шкуру, я расстелил ее на траве. Достал термос, пакеты с бутербродами. Всего в двух пакетах оказалось два бутерброда с сыром и три с колбасой. После некоторого раздумья завернул в бумагу бутерброд с колбасой и сунул его в карман – мало ли что ждет впереди. Остальное разложил на другом пакете, отвинтил от термоса крышку и устроил пир. Бутерброды, запиваемые сладким чаем, показались королевской пищей. Ел не спеша, чай пил маленькими глоточками, но минут через десять от моих запасов ничего не осталось. Есть же хотелось по-прежнему... Я чуть было не достал спрятанный пятый бутерброд и все же, подумав, преодолел искушение.

Снял очки, лег, вытянувшись, на шкуру. Все, что происходило вокруг, стало восприниматься сквозь сонную пелену. Вот где-то рядом гудит шмель. Вот на шкуру перед моими глазами села желтая бабочка. Надо поспать, обязательно. Глаза слипаются, голова как чугунная... Немудрено, ведь встал в половине пятого. Попытался повернуться на живот,

но почувствовал накладной пояс. Ничего, отлично высплюсь на боку, как раз до прихода моих спутников. Если же они не придут, еще лучше. Проснусь и сразу поеду в Москву. В мыслях замелькало: Юра и Женя очень хорошо знают трассу, похоже, сами раньше работали «дальнобойщиками». Зачем им нужно уехать на этом трейлере? Наверное, из-за груза. Хотят договориться с водителем, провернуть какую-то махинацию...

Засыпал я в тени, когда же проснулся, солнце светило прямо в глаза. Меня безжалостно кусали слепни. Отогнав их, сел одним рывком. Вокруг кусты. Гудят слепни, звенит мошкара... Рядом машина с раскрытыми дверцами. Подо мной шкура. На ней очки, термос, бумага, пустой пакет. Идиот! Пока я спал, машину вполне могли увести. Надо было хотя бы запереть двери. Посмотрел на часы – без пяти час. Выходит, прошло почти полтора часа. Вокруг все так же тихо. Интересно, договорились ли Юра и Женя? Хорошо, что поспал. Теперь снова можно ехать хоть на край света.

Окончательно придя в себя, собрал мусор, свернул в комок и вместе с термосом сунул под сиденье. Встряхнул шкуру, положил в машину на прежнее место. Захлопнул все двери, кроме одной, сел за руль. Есть хотелось еще сильнее, чем до сна. Остался бутерброд. Нет, съем, когда станет совсем невмоготу.

Только подумал, что не задержусь на этой полянке ни одной лишней минуты, как из-за кустов вышли мои парни. Вид

хмурый.

Усевшись вслед за Женей сзади и захлопнув дверцу, Юра сказал:

– Игорь Кириллович, извините, придется догонять. Там полная стоянка. Вы как, готовы?

Я включил мотор, вырулил задом. Разворачиваясь к шоссе, спросил:

– Догонять в ту же сторону?

– В ту же. Он выехал минут десять назад.

Выехав на шоссе, я утопил акселератор. Догонять, так догонять... Довел стрелку спидометра до черты «140». Далеко уйти за эти десять минут трейлер не мог, сейчас между нами самое большое – километров двадцать. Состояние у меня было еще сонное, в затылке шумит. Но в общем я чувствовал себя отдохнувшим. Справа открылась и тут же исчезла стоянка с двумя трейлерами. Машин на шоссе почти нет, я обогнал лишь грузовик, а чуть погодя попытавшийся потягаться со мной «Москвич». Вот проплыл указатель: «Демидов 50 км». Я знал, что шоссе идет в сторону Витебска, но что из себя представляет Демидов, не имел понятия.

– Игорь Кириллович, сейчас поворот направо, – подсказал Юра.

Направо, так направо. Мне все равно. Главное, сейчас есть определенность: мы догоняем трейлер. Как только мы его догоним и мои спутники переседают, я тут же разворачиваюсь. И еду в обратную сторону.

Впрочем, повернув направо, подумал: с возвращением в Москву спешить не стоит. Если верить Сашке, действие мази рассчитано на сутки. То есть, в лучшем случае, мое лицо начнет возвращаться к прежнему состоянию лишь к ночи. Вот и приеду в Москву к этому времени. Во всяком случае, спешить не буду. Надо где-то поесть. Залить бак тоже надо, бензина осталось километров на двести.

За поворотом шоссе по-прежнему окружал лес. Дорога стала совсем пустынной. Первое транспортное средство – трактор с сеном, встретилось лишь минут через десять. Почти сразу после этого открылся поселок – несколько домиков, почта, магазин. Мелькнул щит: «Верховье».

За поселком деревья снова подошли к обочине. Я прибавил скорость. Довольно долго мы мчались одни по пустому шоссе.

Вдруг Женя сказал:

– Он.

Вглядевшись, я увидел: на шоссе маячит пятно. Похоже, Женя прав, это трейлер. Проехав еще немного, разглядел четыре цифры: 66–15. Выходит, мы достали его меньше, чем за полчаса...

– Догоняем?

На заднем сиденье возникла какая-то заминка. Мне показалось, парни попытались обменяться знаками. Наконец Юра ответил:

– Догоняем. Но особенно не нажимайте. Сто тридцать

хватит. Как поравняемся, обходите слева. И идите вровень с кабиной. Нам надо как-то его остановить.

– Крикни, что у него горят колеса, – сказал Женя. – Тут же остановится.

– Посмотрим... – Юра следил за трейлером в окно.

Задний борт прицепа с черными цифрами неуклонно приближался. В конце концов я начал обходить трейлер. Нижний край прицепа на какое-то время застыл вровень с правым окном, потом пополз назад.

Пригнувшись и пытаясь перекрычать грохот, Женя заорал мне в ухо:

– Игорь Кириллович, если он остановится, вставляйте впереди на обочину.

– Хорошо. – Я покосился, чтобы не отстать от трейлера. Грохот мотора плотно забивал уши.

– Если он встанет, мы пойдем договариваться! – продолжал Женя. – А вы следите в зеркало. Если я махну рукой, можете уезжать. Поняли?

– Сразу уезжать? Как махнете?

– Да! Махну – разворачивайтесь и тут же уезжайте.

– Понятно!

Мы поравнялись с кабиной. Я увидел ступеньку и низ двери. Чуть позже, отъехав, разглядел водителя. Самый обычный «дальнобойщик» – круглолицый, лет сорока, в белой парусиновой кепочке. Увидев, что мы идем рядом, водитель посмотрел на высунувшегося из окна Юру – что случилось?

Юра показал на задние колеса, крикнул:

– Колеса! Сзади справа!

Водитель замотал головой – не слышу! Юра еще несколько раз крикнул: «Колеса справа!» Наконец водитель посмотрел в боковое зеркало. Повернулся к Юре:

– Что? Справа?

– Да! – орал Юра. – Справа!

Водитель начал тормозить.

– Игорь Кириллович, встаньте перед ним... – В низком голосе Жени мне послышалась хрипотца.

Вырвавшись вперед и услышав звук мощных тормозов, я свернул к обочине. Нажал на тормоз. Трейлер стоял за нами метрах в тридцати.

Юра вышел, крикнул спускавшемуся из кабины водителю:

– Помочь?

– Если не трудно! – Спрыгнув, водитель взял инструменты.

Юра двинулся к трейлеру. Обогнув радиатор, он вместе с водителем исчез за длинным корпусом и росшим у дороги кустарником. Женя, повернувшись, напряженно всматривался в ту сторону. Наконец, будто что-то решив, выставил обе сумки на обочину, кивнул в сторону трейлера:

– Пойду включусь. На сумки не обращайтесь внимания. Мы их заберем. Выйдя из машины, добавил: – Как махну рукой, езжайте. Хорошо?

– Хорошо.

– Ну все. Спасибо за подвоз.

– Не стоит.

Женя быстро зашагал к трейлеру.

Мимо на большой скорости прошла легковушка. Звук ее мотора вскоре стих. Именно в этот момент я понял – умираю с голода. Ясно, какую-нибудь забегаловку я в конце концов разыщу. Но прежде чем до нее добраться, я должен хоть что-то съесть. Достал из кармана припрятанный бутерброд с колбасой. Пока ел, по шоссе прошло два рейсовых автобуса – один в одну сторону, другой в другую. Проглотив последний кусок, на всякий случай пошарил в кармане – может, еще что найду. Нет, в кармане лежала лишь бумага, в которую был завернут бутерброд. Выкинув ее на обочину, подумал: сейчас бы бутылку сока... и хотя бы еще один бутерброд. Посмотрел на часы – тринадцать тридцать три, девятое июля, пятница. По времени магазин в Верховье должен работать. Лишь бы не затянулись переговоры. Откинулся на сиденье и в этот момент увидел вышедшего из-за трейлера Женю. Он поднял руку, помахал несколько раз. Можно ехать!

Я включил мотор. Развернулся и на малой скорости проехал мимо трейлера. Надо бы попрощаться с Юрой. Увы, мелькнули лишь ноги Жени, а Юры я вообще не увидел. Ничего, он простит. Что бы там ни было, Сашкину просьбу я выполнил. Нажал кнопку магнитофона. Дал газ, думая теперь лишь о том, чтобы успеть в магазин. Шоссе было пустым. Я прибавил и после короткой гонки затормозил перед

магазином в Верховье.

Скитания

Магазин был типично сельским. Войдя в одноэтажную стекляшку, я сразу понял – выбор будет небогат. За прилавком скучала женщина в белом халате, на полках громоздились горы консервов. Оглядев витрины, я в конце концов нашел минимум, о котором мечтал: хлеб, плавленые сырки и персиковый сок. Взяв полбуханки хлеба, три сырка и бутылку сока, поинтересовался, где можно нормально поесть. Женщина довольно дружелюбно сообщила, что ближайшее работающее сейчас кафе находится в некоем Тишино, если же хочу найти ресторан, то, не считая самого Смоленска, придорожный ресторан есть на полпути к Вязьме, недалеко от Ярцево.

Вернувшись в машину, проехал с километр. Притормозил на обочине и за несколько минут съел все, что купил. Высосав до последней капли остатки сока, некоторое время сидел, разглядывая лес и пролетавшие мимо машины. Привычно ткнул пальцем кнопку магнитофона. При мысли, что не нужно никуда спешить, я испытывал почти блаженство. Собственно, мне осталось не спеша, именно не спеша, вернуться в Москву. И все. Это уже не работа, это отдых. А сейчас? Сейчас надо, во-первых, заправиться на ближайшей бензоколонке, во-вторых, поесть горячего, в том самом пригородном ресторане. Что еще... Алена! Я обещал ей позвонить.

Вот и отлично, сделаю это по дороге. К тому же мне самому захотелось услышать ее голос.

Вырулив на шоссе, на средней скорости поехал в сторону Смоленска, к бензоколонке, которую запомнил раньше. Память меня не подвела – АЗС стояла на том же месте, у поворота к городу. Выстояв небольшую очередь, долил бак и заодно наполнил канистру. Поговорив с водителем задней машины, выяснил знак, предупреждающий о ресторане, стоит за поселком Мушковичи, километра за три до Ярцева. Ресторан небольшой, кормят там на обычном дорожном уровне.

Заправившись, двинулся дальше. Странно. Мои мысли все еще вертелись вокруг трейлера и его груза, Юры и Жени. Какое отношение ко всему этому имеет Сашка? Может, Сашка и сам как-то заинтересован в этом грузе? Нет, скорее, послав меня отвезти этих парней, он оказывал услугу нужным ему людям. Или нужным кому-то из его знакомых. Например, Вере... Правда, спустя некоторое время я бросил ломать голову над Сашкиными проблемами и целиком отдался размышлениям об Алене...

Вглядываясь в летящую навстречу асфальтовую ленту, я перебирал слова, которые скажу Алене, когда позвоню. Она сейчас наверняка сидит дома, ожидая моего звонка... Впрочем, ни мне, ни Алене в принципе неважно, что мы скажем друг другу... Главное, я ей позвоню, и позвоню очень скоро. В своем чувстве я еще не очень разобрался, возможно

даже, что оно скоро пройдет. Но сейчас, глядя на летящий асфальт, мне приятно думать об Алене. К тому же я знаю абсолютно точно: это лучшая девушка из всех ранее встреченных мной.

Вскоре я начал вглядываться в щиты с названиями поселков. Все эти щиты я уже видел утром, теперь же они сменяли друг друга в обратной последовательности. Бережняны... Каменка... Шокино... Приселье... Наконец пролетел щит: «Мушковичи»... Сейчас должен быть ресторан. Я сбавил ход, и вовремя. Сначала справа возник указатель с ножом, вилок и надписью: «2 км». Через минуту на этой же стороне открылось здание, стилизованное под харчевню. Свернув к нему и оставив машину на стоянке, я поднялся на крыльцо.

Бумажка на найденном в углу свободном столике предлагала харчо, эскалоп и кофе. Я заказал все три блюда и, как только харчо и эскалоп были поданы, съел их без остатка. Затем одним махом выпил напиток, напоминающий кофе. Чувство голода не прошло. Пришлось позвать официанта и попросить принести еще один эскалоп, а заодно и кофе. Лишь после второго эскалопа и второго кофе ощутил блаженную сытость.

Расплатившись и дав официанту на чай, я попросил объяснить, откуда здесь звонят в Москву. Услышав, что в Москву ярцевские жители обычно звонят с городского почтамта, спустился вниз. Сел в машину и некоторое время бездумно слушал музыку. Я все еще не мог освоиться с мыслью, что

сыт и никуда не спешу. Наконец посмотрел на часы – без десяти четыре. Самое время звонить Алене...

На городском почтамте в Ярцево с Москвой меня соединили минут через пятнадцать. Но, войдя в кабину и выслушав несколько гудков, убедился: дома Алены нет. Ничего страшного в этом не было, мало ли куда могла пойти Алена. Подумав об этом, начал считать гудки. Досчитал до тридцати и положил трубку.

На мой вопрос, реально ли дозвониться в Москву с дороги, дежурная объяснила: лучше подождать здесь, с сельской почты позвонить в Москву гораздо труднее. И все же я отменил заказ. Дежурная напоследок посоветовала запомнить два отделения связи – в Бараново и в Прудках.

На трассе мне стало казаться: с Аленой что-то не то. Может, она и не думала ждать звонка? Или не обрадуется, когда я до нее дозвонюсь? Или не узнает голоса? Пришлось убеждать себя, что если даже не дозвонюсь до Алены, ничего страшного не случится... Все должно быть в полном порядке. Ведь мы с Аленой так хорошо расстались...

Километров через сорок навстречу вылетел указатель: справа, в полутора километрах от основной трассы, находится некое Бараново. Вспомнив совет, полученный в Ярцево, свернул направо, и скоро моя шестерка вкатилась в Бараново, оказавшееся обычным большим селом. Покружив минут пять среди домиков с палисадниками, я в конце концов нашел одноэтажное здание с верандой, крыльцом и табличкой:

«Отделение связи». Дверь была открыта. Войдя, увидел розовощекую девушку в сарафане. Девушка читала за конторкой газету. Объяснив, что очень спешу, попросил соединить меня с Москвой, по срочному тарифу.

Секунд десять дежурная бесстрастно разглядывала меня. Наконец покачала головой:

– Товарищ, какая Москва? Мы же через час закрываемся.

– Я по срочному...

– Ну и что по срочному? А если не успеем? Я ждать не буду. Мне домой надо.

– Девушка, очень нужно. С меня коробка конфет.

– Нужны мне ваши конфеты... – Вздохнув, она нехотя надела наушники. Сказала, вращая диск: – Знаете, как у нас дозвониться? Пока в Ярцево пробьешься... Потом надо в Смоленск... И только потом в Москву... Протянула бумажку. – Ладно... Вот бланк, напишите номер... И количество минут. И положите деньги. По срочному – девяносто копеек минута.

Написав номер Алены, я на всякий случай вписал в графу «количество минут» цифру «10». Положил перед дежурной заполненный бланк. И десятирублевую купюру. Продолжая крутить диск, она ухитрилась положить на конторку рубль сдачи. Наконец закричала кому-то: «Алло! Алло! Возьмите срочный!»

Около минуты девушка передавала заказ. Закончив сказала:

– Вам повезло. Но учтите, дадут не скоро. Хотите, подо-

ждите на улице. Там есть скамейка. И возьмите свой рубль.

– Пусть пока полежит. Может, я буду говорить больше.

Выйдя на улицу, я уселся на скамейку. Не знаю, как утром, но вечером местная почта спросом не пользовалась. Пока я ждал связи, по деревянному крыльцу поднялись и спустились лишь два человека. Постаравшись устроиться в тени, минут сорок разглядывал поставленную у пруда собственную машину, а также несколько деревьев и изредка подходивших к пруду кур и гусей. Примерно без четверти шесть из комнаты донесся резкий звонок. Поднявшись на крыльцо, я вошел в помещение. Несколько минут мне пришлось выслушивать, как розовощекая дежурная кричит: «Алло, шестая! Шестая, ответьте! Алло, шестая...» Наконец, услышав ответ, щелкнула переключателем:

– Все, дали Москву. Товарищ, возьмите трубку. Аппарат на веранде...

На веранде на крохотном деревянном столике стоял телефонный аппарат. Усевшись на единственный стул, я взял трубку. Довольно долго мембрана бессмысленно шумела, до меня доносились то обрывки голосов, то попискивание, то гудки. Наконец женский голос сказал:

– Бараново, Москву вызывали? Говорите...

Почти тут же я услышал голос Алены.

– Алло... Слушаю... Алло! Слушаю, говорите?

Честно говоря, я страшно обрадовался:

– Алена, привет. Это я. Узнала?

– Привет. Узнала. – Секунду трубка молчала. – Ты где?

– Все там же. В скучном городе. Я тебе звонил час назад.

Ты выходила?

– Д-да... Была у Жанны.

– Понятно. Как Жанна?

– С ней все в порядке.

– Передай ей привет.

– Передам. Ты... хоть соскучился?

– Да. Я очень хочу тебя видеть.

– Так приезжай. Когда ты приедешь?

Услышав это, я вспомнил про мазь. Неизвестно, когда кончится ее действие. Поэтому сказал:

– Дня через два.

– Раньше нельзя?

– Нельзя. Но зато, как приеду, сразу пойдем куда-нибудь.

Приглашаю тебя, Жанну, Сашку. И вообще, всех. Хорошо?

– Хорошо. Как халтура?

– Все в порядке. – Тут я понял, что разговор надо заканчивать. Выяснение обстоятельств совсем не входило в мои планы. Начал закругляться: Ладно, Алэн, все. Целую. До встречи. Будь умницей, хорошо?

– Хорошо. И ты будь умником.

По ее голосу я догадался: она хотела бы поговорить еще. Черт, я тоже хотел бы еще поговорить... Помедлив, сказал:

– Я-то буду. Как только приеду в Москву, звоню. Все, до встречи.

– До встречи. Приезжай скорей.

Раздались частые гудки, тут же их перебил женский голос:

– Абонент, поговорили? – Добавил, пропуская мое «да»:

– Говорили три минуты. Отключаю.

На этот голос наложился голос местной дежурной:

– Все, товарищ... Разговор окончен, положите трубку.

Положив трубку, я хотел уйти, но дежурная крикнула:

– Товарищ, куда же вы? Возьмите возврат! Вам шесть тридцать... С десяти минут... И еще рубль...

Пройдя к конторке, сказал, что я – суеверный, чтобы дежурная засчитала десятиминутный разговор. Но дежурная все-таки заставила взять деньги...

Возвращение

По шоссе, ведущему в Москву, я нарочно ехал медленно, не больше восьмидесяти в час. Довольно долго мои мысли занимал разговор с Аленой. Я перебирал каждое его слово... Въехав в Московскую область, поймал себя на том, что каждые двадцать минут смотрю – проходит ли действие мази. Увы, ничего хорошего зеркало мне пока не говорило. Давно уже приближалась Москва, остались позади Бородино, Можайск, Голицыно, но никаких изменений я не видел. Мое лицо по-прежнему выглядело чужим. Единственным утешением было то, что сейчас около девяти. Если я втер мазь в час ночи, действие должно прекратиться через сутки. То есть примерно через четыре часа. Значит, остается ждать ночи.

Как я ни тянул, в Москву все же въехал довольно ра-

но, двадцать минут десятого. Проехав Триумфальную арку, свернул в первую же улочку, затормозил у телефона-автомата. Осмотрелся. В некоторых окнах уже горит свет, но вообще вокруг светло как днем. Прохожих мало. Посидев немного, вышел, набрал номер. Саша снял трубку почти сразу:

– Алло?

– Привет. Это я.

Сашка ответил после секундного молчания. Наверное, эта секунда ему потребовалась, чтобы попытаться понять, чем закончилась моя поездка:

– Привет. Ну как? Порядок?

– Порядок. – Другого слова я найти не мог. Ведь я сделал все, о чем просил Сашка. Отвез Юру и Женю туда, куда они просили. И вернулся.

Снова помедлив секунду, Сашка спросил:

– Ты где?

– На Кутузовском. Недалеко от Триумфальной арки.

– Ты... только приехал?

– Да.

– И ничего не менял?

Вопрос касался внешности.

– Ничего. Все, как было.

На этот раз Сашка молчал довольно долго. Наконец сказал:

– Езжай к кинотеатру «Форум». Там есть стоянка такси. Знаешь?

– Знаю.

– Я буду стоять чуть впереди стоянки. Встань за мной. Когда махну рукой, пересядешь ко мне.

– Договорились.

– Значит, у «Форума». Пока. – Сашка положил трубку. Повесив свою, я вернулся в машину, не спеша развернулся, выехал на Кутузовский.

Когда я подъехал к «Форуму», знакомая девятка уже стояла метрах в пятидесяти от стоянки такси. Я поставил свою машину сзади. Сашка сидел за рулем так, как будто меня и не было. Мне даже показалось, вообще меня не заметил. Впрочем, скоро я убедился, что он меня видит – Сашка поднял руку. После того как я пересел к нему, посмотрел в упор. Потом, качнувшись, легонько толкнул плечом:

– Привет.

– Привет.

– Ну что? Все в норме?

Вопрос показался мне легкомысленным. Ничего себе – все в норме. Почти сутки за баранкой.

– Не знаю. Если это норма. Во всяком случае, я их отвез.

– Их, то есть Юру и Женю?

– Угадал.

– Интересно, и куда ты их отвез?

– За Смоленск. Мы догоняли трейлер.

Некоторое время Сашка смотрел изучающе:

– Трейлер? А зачем им был нужен трейлер?

– Они хотели пересесть на него и ехать на нем дальше.

– И все? И только за Смоленском догнали?

– Нет, вскоре за Москвой. Но они должны были пересесть на трейлер так, чтобы никто их не видел.

– Значит, они пересели?

– Пересели.

– И уехали?

– Конечно.

– Ты видел, как они уехали?

– Вообще-то не видел. Я уехал раньше.

– Черт... – Сашка долго молчал. – Значит, им был нужен трейлер. Серега, перескажи-ка коротко, как все было. С момента, как ты их встретил.

Я рассказал, стараясь ничего не упустить. Начал со встречи на Лесной. Затем более-менее подробно описал погоню. Упомянул, как белобрысый лейтенант проверил мои документы. Закончил же тем, как Женя махнул мне рукой. И как, увидев это, я уехал.

– Все ясно. – Сашка погладил баранку. – Теперь послушай меня. Как бы тебе сказать, Серый... Уже год меня пытается прихватить один человек.

– Прихватить?

– Да. Взять с меня калым. Снять стружку. Ну и так далее. Человек он, если честно, довольно страшноватый. Понимаешь, что это такое?

То, что на Сашкином, а значит, и на моем пути могут

встретиться «страшноватые» люди, я прекрасно понимал. Поэтому ответил:

– Более-менее... Я его не знаю?

– Не знаешь. Могу сказать его имя – Вадим Павлович. Не слышал?

– Вадим Павлович? Нет, не слышал.

– Имя, сам понимаешь, ничего не дает. Да и уверен – это имя не настоящее. С этим Вадимом Павловичем я имел дело всего один раз. Имел и до сих пор жалею.

– И что дальше?

– Неделию назад Вадим Павлович позвонил. И сказал, что я должен оказать ему одну услугу. Если я эту услугу окажу, он от меня отвяжется. Навсегда.

– И какую же услугу?

– Неужели не понял, что Вадиму Павловичу нужно было, чтобы кто-то подвез Юру и Женю?

– Ну так я ведь их подвез. Теперь все в порядке.

– В порядке. Поэтому за мной должок... – Сашка поставил ладонь. Я ударил по ней кончиками пальцев. Тут же поставил свою.

Обменявшись ритуальным жестом, мы помолчали, вглядываясь в проезжавшие мимо машины. После этого Сашка сказал:

– Серый, ты знаешь, быть в долгу не люблю. Короче: Вера точно купит твою картину. Только надо чуть подождать. Скажем, дня два. Потерпишь?

– О чем ты. Конечно, потерплю.

– Спасибо. Ну, а пока... Ты должен сделать кое-что еще.

– Что?

– Хочу попросить тебя переночевать на улице.

– Забавно.

– Не волнуйся, это будет не в Москве. За городом, около моей дачи. Причем обещаю полный комфорт. В багажнике у меня лежат надувной матрас и два пледа. Еда, питье. Даже этюдник с красками. Обещаю – мучиться на пленэре будешь только ночь. Я тебе оставлю ключи от моей дачи. Завтра днем пойдешь туда. И проживешь дня два-три.

– А ты?

– Я эти два-три дня должен все время быть в Москве. Для алиби.

– Моя ночевка тоже для алиби?

– Естественно. Раз уж я согласился помочь Вадиму Павловичу. Юра и Женя – его люди. Зачем им был нужен этот трейлер, я не знаю. И знать не хочу. Но мало ли что. Я не хочу подставлять тебя.

– Спасибо.

– Не за что. Я не хочу подставлять и себя. Поэтому эти два дня побуду в Москве. Ты же... Вообще-то с тобой все чисто. Если не считать одного маленького нюанса. Совсем маленького. Ты говоришь, этот гаишник ничего не записал?

– При мне нет.

– Может, он и без тебя ничего не записывал. Но номера

шасси и кузова подлинные. Гаишник мог их просто запомнить. Скорее всего с этим трейлером ничего не произойдет. Тогда все отлично. Но если произойдет... и эти парни загремят – милиция рано или поздно выйдет на твою машину. Неизбежно. Выход только один: изобразить, что твою тачку угнали.

Кажется, теперь я полностью понял план Сашки. За исключением некоторых деталей.

– Если мою тачку угнали, почему я об этом не заявил?

– Не заявил, потому что не знал. Ты уехал за город. На этюды. А машину оставил. Вернувшись, обнаружил ее на прежнем месте. Вот и все. Сейчас мы поставим прежние номера. Ты отгонишь машину под свои окна и уйдешь. Тебя наверняка кто-то заметит. Только не тебя, а поставившего машину седого человека лет пятидесяти. Наверняка кто-то заметил и таксиста, пригнавшего нам вчера машину. Тебя же самого жителя твоего дома все эти дни не видели. Именно эти факты и узнает милиция, если начнет наводить справки. Но милиция обязательно поинтересуется у тебя самого, где ты был все эти дни. Причем не только поинтересуется, но и проверит. Мало того, еще поищет свидетелей. Поэтому, чтобы все было чисто, ты сегодня переночуешь на воздухе.

Сашка все просчитал идеально!

– Ну что, меняем номера? – спросил я. – К тебе поедем?

– Тут есть одна стоянка. Моего приятеля. Все сделаем на ней.

Но меня интересовало кое-что еще, и я не спешил выходить из машины.

Сашка опять обернулся ко мне:

– Что-нибудь не так?

– Извини. Когда я приму нормальный вид? Мазь точно действует сутки?

– Серега, да ты что? Я же сказал: через сутки все придет в норму. Клянусь, завтра будешь как огурчик. Чудило, ведь завтра тебя должны увидеть свидетели. В том месте, где ты будешь ночевать. Для них ты должен быть самим собой – Сергеем Лотаревым. Соображаешь?

– Ладно, поехали... Далеко твоя стоянка?

– Рядом. За Самотекой.

Минуты через три, попетляв по переулкам, мы с Сашкой остановили машины перед решетчатыми воротами. Уже стемнело. Ворота были слабо освещены светом уличного фонаря. Сашка открыл своим ключом замок. Мы загнали машины в неосвещенный угол стоянки, быстро заменили номера. Сашка спросил, положив липовые номера в багажник:

– Вещи, которые могут понадобиться, у тебя в машине есть?

– Нет. Все мои вещи у тебя.

– Значит, так. Езжай к себе. Ставь машину на место. А я буду ждать, пожалуй, там, где вчера ждали таксиста. Все, давай!

Я выполнил все в точности. Подогнал машину к своему

дому. Въехал во двор. Мое законное место, второе справа в общем ряду машин, было свободно. Не спеша завел туда шестерку. Выключил мотор, огляделся. В общем-то двор пуст. Выйдя и заперев дверь, заметил – в дальнем углу двора кто-то прогуливается. Наверняка мой будущий свидетель. Впрочем, кроме него, меня могут увидеть и другие – с балконов, из окон. Пусть видят.

Выйдя на улицу, я остановился. Все спокойно, улица пуста. Никто мной не интересуется. И все же к условленному месту пошел пешком. Правда, эта предосторожность оказалась излишней – ничего подозрительного по дороге не было.

На пленэре

Сашкина девятка стояла около булочной. Я сел в машину.

Сашка поинтересовался:

– Все без шума?

– Полная тишина.

Осмотрел меня:

– Вообще-то надо бы переодеться.

– Давай переоденусь.

– Ладно, поехали. Переоденешься на месте.

Полчаса ушло на то, чтобы выбраться из Москвы. За Химками Сашка резко прибавил – минут двадцать мы мчались в сторону Солнечногорска со скоростью сто сорок.

Свою дачу Сашка купил два года назад и тут же переоборудовал так, что она стала выглядеть как игрушка. Дача стоит в лесу, в километре от Сенежского озера, несколько на отшибе от других строений, хотя и входит в дачный кооператив. Известно: места для отдыха на Сенежском озере отличные. С одной стороны, множество лодочных станций, домиков рыбака, пансионатов, на которых есть все – от прогулочных катеров до баров и дискотек. С другой полно глухих участков, где тебя никто не увидит.

Перед Солнечногорском мы свернули направо и сбавили ход. Путь, по которому Сашка вел сейчас девятку, был для меня новым. Впрочем, приглядевшись, я эти места узнал.

Вот вырубка. Вот светятся окна в крохотных домиках садового кооператива. Вот потянуло в окно свежестью – озеро. На секунду Сашка включил дальние фары. Потом довольно долго мы ехали на малой скорости, Сашка напряженно вглядывался вперед. Наконец он остановил машину, заглушил мотор:

– Все. Приехали.

Я огляделся. Место знакомое. Слева – отсвечивающаяся под лунным светом стена камышей, чуть впереди – свободная вода, излом берега. Примерно в километре отсюда начинается Сашкин дачный кооператив. Поблизости должна быть база отдыха. Три летних домика за забором, причал с моторкой и несколькими лодками. Еще там есть собака, большая мохнатая собака. За этими камышами песчаная полоска берега, я там не раз купался.

– Здесь рядом какая-то база отдыха, да? – спросил я.

– Точно. Ведомственная база Госстроя СССР, называется «Рыболов Сенежья». Там собака, но ночью она на привязи. Да и без привязи можно не бояться, отдыхающих она не трогает. Вылезай, переоденешься.

Выйдя из машины, я потянулся, разминая затекшие ноги, поясницу и плечи. Достав из багажника сумку, Сашка дернул молнию:

– Раздевайся! Быстро. Парик снимай.

Я разделся до плавок. Сложил на заднее сиденье пиджак, брюки, рубашку, кроссовки, очки, накладной живот, парик.

Переложил из кармана пиджака в джинсы деньги, заметив, что после поездки у меня осталось что-то около двадцати рублей. Поежившись, натянул джинсы, тенниску и пуловер, надел Сашкины кроссовки.

Сашка заметил:

– Если тебя здесь увидят лысым, нехорошо. Поищи – в сумке должна быть джинсовая кепочка. Надень ее. И пока не снимай. Даже на ночь. Уж пожалуйста.

Найдя в сумке джинсовую кепочку, я натянул ее на свой лысый череп. Потрогал щеки, они все еще были шершавыми.

Сашка протянул тюбик:

– Не трогай лицо, к утру все пройдет. Вот детский крем, намажься на ночь.

– Точно пройдет?

– Ну, может остаться легкое покраснение. Как от загара.

– И надолго?

– Дня на три. Так ты ведь и так будешь эти три дня загорать. Думаю, переживешь.

– Переживу. Что делаем дальше?

– Ты готов?

– Готов.

– Садись в машину. Я объясню, что к чему.

Когда я сел рядом, Сашка включил мотор:

– Серега, в моем багажнике есть все, чтобы ночью и утром ты чувствовал себя спокойно. Пледы, надувной матрас, термос с чаем, бутерброды, этюдник, набор кистей и красок. Во-

обще ты как, есть хочешь?

– Слегка. Я обедал в четыре.

– Отъешься на даче. Там полный холодильник. Держи ключи... – Подождал, пока я спрячу ключи. – Учти – тебя должен запомнить сторож. Сейчас мы подъедем к другому краю базы. Накачаем матрас. Ты перелезешь через забор. Ляжешь на матрас, укроешься пледами. И все. Можешь спать. Но утром тебя должен увидеть сторож. Обязательно.

– А он увидит?

– Надеюсь. Территория тут небольшая. Увидев тебя, сторож, по идее, начнет тебя гнать. Попробуй с ним поговорить, и главное, дай понять, что ты ночуешь на базе уже вторую ночь.

– Алиби?

– Оно самое. Скажешь – за забором надежнее, поэтому и спишь здесь. Вообще, поплачься в жилетку – молодой художник, приехал на этюды, и так далее. Выгнать он тебя все равно выгонит, но запомнит. Ну, а потом иди на дачу. И жди моего приезда.

– А если не выгонит?

– Вряд ли. Думаю, выгонит. Тогда попроси пустить тебя на базу днем. Скажи – хочешь порисовать лодки, удильщиков. Если откажет, все равно приходи завтра к базе и поторчи у него на глазах с этюдником. Неплохо то же самое сделать и послезавтра, для полной гарантии.

– Понял.

– И не забудь про кепку. Не снимай ее на ночь. Хорошо?

– Хорошо.

– Ну тогда поехали. Там, у забора, желательно не говорить, объясняемся жестами.

По-прежнему не зажигая огней, Сашка тронул машину. Девятка поползла вдоль стены камышей. Метров через двести начался забор. Машина остановилась у дальнего его края. Вышли, молча достали из багажника надувной матрас. Так же молча его накачали. Через забор я перелез довольно легко, с помощью Сашки. Спрыгнул на мягкую землю, и тут же с другого конца базы раздался собачий лай. Я застыл, повернувшись в ту сторону.

Сашка тихо сказал:

– Сейчас она замолчит...

Точно. Тявкнув еще пару раз, собака замолчала. Я принял через забор надувной матрас, затем набитый вещами рюкзак и сумку.

Хлопнула дверь, заработал мотор, машина уехала.

Усевшись на матрас, я развязал рюкзак. Пошарив внутри, быстро нашел термос, пакет с бутербродами. Мысленно поблагодарив Сашку, отпил прямо из горлышка горячего сладкого чая, уничтожил несколько бутербродов. Теперь самое главное: обмазаться детским кремом. Достал из кармана тюбик, долго втирал крем в лицо и руки.

Уже вытянувшись под пледами на матрасе, предался самым приятным теперь для себя размышлениям. Действие

мази должно пройти к утру... Если оно пройдет... Что же будет, если оно пройдет? Что же будет? Алена... Наверное, это будет то, что принято называть счастьем... Именно счастьем... Скоро ее увижу... Единственное, о чем я сейчас мечтаю, – чтобы скорей прошло действие мази... А остальное все так хорошо... С этой мыслью я заснул.

Проснулся я, когда сверху всюду светило солнце. Посмотрел на часы – уже одиннадцать. Крепко же я спал! Не разбудили ни палящее солнце, ни доносящиеся громкие голоса. Прислушался: звякнула цепь, заскрипели уключины. Кто-то сел в лодку. Осторожно потрогал щеки – как будто гладкие. Лоб, подбородок, шея – тоже. Только отросла щетина и с лица осыпается какая-то шелуха. Неужели все прошло? Жаль, нет зеркала, посмотреть. Потрогал голову. Кепка. Джинсовая... Снял было ее, но тут же вспомнил – снимать нельзя. Натянул снова. И, откинув прогретые солнцем пледы, сел на матрасе.

Минут десять сидел, подставив лицо солнцу. Утро прекрасное, и главное, никуда не нужно спешить. Из блаженного состояния вывел голод. Я натянул кроссовки, встал, сделал зарядку, позавтракал. Потом поставил этюдник, закрепил на нем лист ватмана, достал из рюкзака кисти, краски, набор фломастеров, карандаши. Что рисовать? Ладно, какая разница...

Довольно долго я добросовестно штриховал карандашом бумагу, буквально вымучивая каждую нанесенную на ватман

черточку, но потом ушел в себя и заработал по-настоящему. От эскиза меня оторвали лишь необычные звуки. Вдруг понял: рядом стоит собака. Посмотрел. Вот она. Та самая, большая, мохнатая, с загнутым вверх хвостом. Стоит рядом, громко дыша. Поглядывает то на меня, то на эскиз.

Собак я не боюсь, к тому же Сашка предупредил, что отдыхающих этот пес не трогает, поэтому сказал: «Ух ты, псина... Привет», – и продолжил работу. Но почти тут же из кустов вышел невысокий крепкий старик, судя по всему, сторож. На старике была бейсбольная шапочка, когда-то красная, сейчас же выгоревшая почти добела, линялая майка-безрукавка и ношенные-переносные джинсы.

– Доброе утро, – сказал старик.

– Доброе утро.

– Я здешний сторож, зовут меня Николай Иванович. А вы наш? Что-то я вас не припомню.

– Нет. – Я отложил карандаш.

– Понятно. А откуда вы?

– Ниоткуда. Я сам по себе.

Присев на корточки, Николай Иванович цокнул, подзывая собаку. Взял подошедшего пса за загривок.

– Значит, сами по себе. А как вы сюда попали? – Скомандовал: – Дик, место! – и пес исчез.

Сторож склонил голову набок:

– Парень, изложи, откуда ты здесь возник?

– Извините, но пришлось перелезть через забор.

Сторож подошел к этюднику, посмотрел на эскиз. Повернулся:

– Что, серьезно?

– Серьезно. Приехал порисовать. Вторую ночь здесь ночую. У вас.

Сторож перевел взгляд на матрас, примятую вокруг траву.

– Силен. «У вас». Что, места вокруг мало?

– Видите ли, тут как-то спокойней. За забором. И потом я давно уже облюбовал вашу базу.

– Это почему же?

– Колорит. Лодки, причал. Рыбаки. – Полез в карман, достал десятку: Вот, возьмите.

Сторож посмотрел на десятку, на меня. Почесал в затылке, не спеша поправил шапочку:

– Д-да. Вот что, парень, десятку свою спрячь. Пригодится. Ты вообще знаешь, где находишься?

– Знаю. База «Рыболов Сенежья».

– Что, живешь рядом?

– Да нет. Просто часто приезжаю.

– Приезжаешь и приезжай. Но отсюда уходи. У меня тут сейчас начальство. От него десяткой не отделаешься. Понял, парень? Забирай причиндалы и сваливай. Без обиды. Хорошо?

– Хорошо. Но все же возьмите! Я хочу еще прийти порисовать. А?

– Да спрячь ты свою десятку. Осенью, когда никого нет, –

пожалуйста. А сейчас давай. Через двадцать минут приду, проверю – чтоб тебя уже не было. Заведующий у меня в отпуске, я один. Так что давай. Не до тебя сейчас. Все, сматывайся. – Повернувшись, Николай Иванович исчез в кустах.

Выпустив из матраса воздух, я сложил вещи в рюкзак и сумку. Вышел из ворот базы и двинулся к Сашкиной даче. Пройдя минут двадцать по лесу, увидел за деревьями знакомый высокий забор. Над забором торчала скошенная в одну сторону черепичная крыша, был виден солярий, часть мансарды. До боли знакомая Сашкина дача.

Открыв ключом калитку, я по выложенной из плит дорожке подошел к полутораэтажному коттеджу.

В доме первым делом прошел в ванную. Не без некоторого замирания остановился перед большим зеркалом. Перевел дух: черт, все в порядке! Я прежний: обычный, двадцатисемилетний. Правда, на шее, подбородке и щеках остались еще легкие покраснения. Но ясно, что они скоро пройдут, как и обещал Сашка.

К месту назначения

Мощный двигатель работал без перебоев. Трейлер шел ровно. Шитик покосился направо, на невысокого белобрысого Ключа. Тот никак не мог справиться со сном: то закидывал голову на спинку сиденья, то вздрагивал и бессмысленно смотрел вперед. За окном со стороны Ключа вот уже шесть часов подряд тянулось море, от самого Туапсе. Шитик подумал: «КамАЗ – это машина». Двигатель практически крутится без остановок с утра, от самого Белгорода. И ни одного сбоя.

Через полчаса, когда трейлер проскочил Гудауту, Ключий размяк еще больше. Шитик посмотрел на часы – пятнадцать ноль семь по московскому, или шестнадцать ноль семь по местному. Сейчас будет Новый Афон, потом перевал, и все. Конец пути – Сухуми. На условленном месте в Сухуми, на углу улицы Чачкалия и Бзыбского шоссе они должны встать и ждать, когда подойдет невысокий человек в синей футболке. Человек должен назваться Ашотом и знать их туфтовые¹ имена – Юра и Женя. Подойти к трейлеру Ашот должен сегодня, от восемнадцати до двадцати по местному времени. Если же Ашот до двадцати не появится, они должны отъехать. И, убедившись, что все спокойно, встать в тихом ме-

¹ То есть вымышленные имена.

сте. В десять утра вернуться на ту же точку. И снова ждать Ашота. Когда он придет... Шитик усмехнулся. Когда он придет, они получают навар. Навар настолько крутой, что, получив его, каждый из них сможет делать все, что захочет. Надолго забыв о своих бедах.

Еще минут через сорок, уже на перевале, Шитик решил: перед Сухуми, сразу за виадуком, надо дать Ключю кофе. Иначе до встречи с Ашотом он так и не очухается. Кофе в стоящем под сиденьем термосе был для них драгоценностью, они берегли каждую каплю. В термосе оставалось не больше чашки, но теперь уже беречь кофе не нужно. Ключя можно понять – он вел машину с утра. А перед этим спал часа два, не больше. Шитик вспомнил: когда он показал Ключю Крыжу, тот сразу одобрил выбор. В чем, в чем, а в людях Крыж разбирается. Ключой, хоть никогда не нюхал зоны и не водился с ельней², показал себя молодцом. И в дороге, и там, под Смоленском. Крыж наверняка похвалил бы их. Похвалил бы... Черт... Шитик выругался. Единственный человек, которого Шитик боится, – Крыж. Ведь то, что Крыж стал Вадимом Павловичем, из всей ельни знает только он один. Только он, Шитик. И все.

За виадуком Шитик трясанул Ключю за плечо:

– Ключой! Эй, Ключу-у-уй! Очнись! Подъезжаем!

Ключой не реагировал. Лишь после того, как Шитик тря-

² Не водился с ельней (вор. жарг.) – не был связан с ворами и с воровской жизнью.

нул изо всех сил, ошарашенно выпрямился:

– А? Что? Что случилось?

– Ничего. Просто подъезжаем. Кончай кемарить.

– А-а... – Помедлив, Ключ с силой потер ладонями лица. – Что, Сухуми?

– Сухуми. Возьми термос, допей кофе. Возьми, возьми. Иначе не очухаешься.

Встряхнув головой, Ключ взял термос. Посмотрел на Шитика:

– Сам-то будешь?

– Зачем, я свежий. Пей все.

– Угу... – Ключ отвинтил крышку, вылил в нее остатки кофе. Чуть притронулся к теплой жиже губами, смакуя. – Место не пролетим?

– Не пролетим. Нам нужно к морю, на Бзыбское шоссе. А там, считай, мы на месте. По уговору должны встать точно перед поворотом на улицу Чачкалия.

Они уже въехали в город. По обеим сторонам дороги потянулись дома частного сектора, с балюстрадами и хорошо обихоженными дворами. Место, где они должны были остановиться, оба знали лишь по карте. Как раз допив кофе, Ключ кивнул:

– Указатель «Бзыбское шоссе».

– Вижу... – Шитик повернул на Бзыбское шоссе, сбавил скорость. Они поехали совсем медленно, около пятидесяти в час. Ключ завинтил крышку, поставил термос под сиденье.

Пригнулся к ветровому стеклу:

– Шитик... Впереди справа какой-то указатель. Кажись, стоянка такси. Может, это то место?

– Может. – Шитик сбавил еще. Трейлер теперь еле полз. – Смотри внимательней. Встать надо точно. Справа на углу – белый дом.

– Смотрю. – Ключ застыл, взглядываясь. – Справа белый дом! Видишь?

– Вижу. И указатель вижу. Тормозим. Вон улица, слева магазин «Продукты».

Свернув к тротуару, трейлер прошел по инерции несколько метров и застыл перед поворотом направо на неширокую улочку у ограды небольшого белого дома. Вглядевшись в табличку на угловом доме с противоположной стороны улочки, Шитик выключил мотор. Среди надписей на трех языках он разобрал русскую, которая извещала, что это и есть «ул. Чачкалия». Они остановились точно на условленном месте.

Теперь надо ждать, не выходя из кабины, – таким был уговор. Ждать человека в синей майке, который назовется Ашотом.

Проверка

Азизов и Вадим Павлович сидели в условленной по предварительному договору квартире, уединившись в небольшой комнате. На столе перед ними стояло блюдо с только что испеченным и уже разрезанным хачапури, кофейник и две крохотные чашки.

Вадима Павловича Азизов видел третий раз в жизни. Впервые они встретились два месяца назад, дважды: сначала для общего знакомства, потом для точного уговора. Кроме того, несколько раз переговаривали по телефону, в том числе вчера и позавчера. Вчера, при их последнем телефонном разговоре, Вадим Павлович, уточнив детали, пообещал приехать в Сухуми сегодня днем, чтобы вместе с Азизовым встретить «товар». Первую часть обещания Вадим Павлович выполнил, явившись сюда около двух часов назад. Теперь они вместе ждали «товар», приканчивая третий кофейник.

От еды Вадим Павлович отказался. Что касается Азизова, он страдал тяжелой формой сахарного диабета, поэтому ел много и часто. Азизову только что исполнилось пятьдесят пять. Он был толстеньким коротышкой, круглоголовым, с полуседой шевелюрой и иссиня-черными восточными глазами навыкате. В жизни Азизова давно уже интересовало только «дело». Да еще, пожалуй, еда. Поскольку умение разбираться в людях тоже входило в «дело», сейчас, при третьей

встрече, Азизов перебирал все, что помогло бы выявить истинную суть Вадима Павловича. Да, постепенно он приходил к выводу: похоже, это блатняк³. И совсем не исключено, что не просто блатняк, а вор в законе. Хотя и выглядит мирнее мирного: лет под шестьдесят, лысоватый, обрюзгший, с постоянно опущенными подслеповатыми глазами. Впрочем, внешность Вадима Павловича Азизова особенно не интересовала. После первой встречи с этим человеком Азизов убедился: ему можно доверять. Вадим Павлович знал тех, с кем он имел дело раньше. При этом знал многое о нем самом. Но главное, «дело», которое они с Вадимом Павловичем обговорили, его вполне устраивало. И сейчас это дело должно подойти к концу. Должно, подумал Азизов. Это еще не значит, что оно на самом деле подойдет к концу.

Посмотрел на гостя:

– Может, все же кусочек хачапури?

Вадим Павлович покачал головой:

– Не хочу. Вы ешьте.

– Ну, смотрите, – Азизов взял кусок хачапури, теплое, истекающего маслом. Помешал ложечкой кофе, сделал глоток, и в это время зазвонил телефон. Азизов сделал еще один глоток, снял трубку:

– Слушаю?

– Роберт Арутюнович, это я... Ашот.

³ Блатняк (вор. жарг.) – лицо, побывавшее в заключении и имеющее отношение к преступному миру.

Азизов хорошо знал голос говорившего, это был один из самых верных его подручных. Отлично понял Азизов и причину заминки, настоящее имя Ашота было Дереник. Но для Вадима Павловича и его людей Дереник должен был стать Ашотом.

Азизов положил хачапури. Сказал:

– Да, Ашот, слушаю. Что там?

– Вроде, они приехали. Стоят там, где договорились.

– Точно они?

– Вроде. Стоят на условленном месте. Ну, а там... Я ведь не знаю, какой должен быть номер.

– А у этих какой?

– Московский. Шестьдесят шесть пятнадцать.

– Подожди, не вешай трубку... – Посмотрел на Вадима Павловича: – Какой у них номер?

Вадим Павлович усмехнулся:

– Что, приехали?

– Кажется, да.

– Номер прицепной фуры шестьдесят шесть пятнадцать.

Эм-ша. Спросите, сколько там человек. И как выглядят.

– Сейчас... Ашотик, сколько людей в кабине?

– Двое. Обоим лет под тридцать, один блондин, волосы длинные, второй потемней, лысоват.

– Понятно. – Азизов опять посмотрел на Вадима Павловича: – Номер, какой вы сказали. В кабине сидят двое. Обоим лет под тридцать, один блондин, второй потемней. Лысо-

ватый. Они?

Вадим Павлович помолчал, изучая пол. Шевельнулся:

– Они. Но сделаем, как договаривались. Не будем спешить. Надо на них посмотреть.

– Понял. – Бросил в трубку: – Ашотик, приезжай за нами. Хорошо?

– Хорошо. Буду через пять минут.

Вместе с Вадимом Павловичем Азизов вышел на улицу. Через пять минут они сели в затормозившую у тротуара белую девятку. За рулем сидел смуглый крепыш, мускулистый торс обтягивала синяя футболка.

Крепыш обернулся к Вадиму Павловичу:

– Здравствуйте. Меня зовут Ашот.

Глаз Вадим Павлович так и не поднял, только что-то буркнул. Азизов, поймав быстрый взгляд Ашота, тихо, как в пустоту, сказал:

– Ашот, ты Гизо звонил?

– Он ждет. Едем туда?

– Едем.

Ашот мягко тронул ручку скорости. Через несколько минут белая девятка въехала на улицу Чачкалия со стороны моря. Остановилась у углового дома, того самого, с другой стороны которого стоял трейлер.

Азизов кивнул:

– Приехали. Нам сюда.

Азизов вышел из машины первым, за ним Вадим Павло-

вич и последним Ашот. Тройка двинулась к калитке, оказавшейся открытой. За ней стоял хозяин, человек лет сорока.

– Здравствуйте, гости дорогие, здравствуйте. Роберт Арутюнович, вы знаете, куда. Проходите.

Все трое поднялись по узорной деревянной лестнице, вошли в дом, прошли коридором мимо нескольких комнат и остановились наконец в небольшом помещении. Из-за зашторенных окон в помещении было темно, но, судя по всему, это была спальня.

Азизов посмотрел на Вадима Павловича, предупредил:

– Учтите, окно прямо перед машиной.

Вадим Павлович осторожно отогнул край шторы. Кабина стоящего у тротуара трейлера оказалась совсем близко. Вгляделся – оба водителя сидят, закинув головы на спинку сиденья. Лица выражают примерно одно и то же: бесстрастное ожидание с легкой примесью настороженности.

– Они? – спросил Азизов.

– Они. – Вадим Павлович прикрыл штору. – Действуем, как договорились. Условия помните?

– Разумеется. Они не узнают, что вы здесь. Мы поедем сейчас к Ашоту. А Ашот подвезет их минут через десять к своему гаражу. У него гараж рядом с домом. Из окна виден. В общем все, как и договаривались. Устроит?

– Устроит.

– Ашот, из кабины пусть не выходят. Понял?

– Поезжайте, Роберт Арутюнович. Я их привезу.

Сдача товара

Шитик посмотрел на часы. Пока все нормально, они ждут не больше получаса. Хотя, конечно, лучше если бы Ашот пришел как можно скорее. Если до восьми вечера он не появится, придется искать стоянку. Это не так просто в незнакомом городе. Разумеется, вдвоем они не пропадут. Ключ парень ушлый. Он же, Шитик, готов ждать хоть несколько дней, лишь бы все кончилось по уговору. «Готов ждать, – повторил Шитик про себя. – Готов ждать». Полез в карман за «Столичными» и увидел идущего к трейлеру человека в синей футболке. Откуда он появился, Шитик не заметил. Ключ напрягся, переглянувшись с Шитиком.

Подойдя к трейлеру, человек встал на ступеньку. Сказал в окно:

– Ребята, здравствуйте. Меня зовут Ашот. Вы случаем не Юра и Женя?

Шитик просчитал все еще раз. Смуглое лицо было таким, каким и должно быть лицо Ашота. Оно приветливо улыбалось, но глаза были стальными. Синяя майка. Ашот. Знает их имена. Совпадает все до точки. Процедил:

– Допустим. Что дальше?

– Дальше? Можно в кабину? Я покажу дорогу.

Ключ посмотрел на Шитика и молча открыл дверцу. Наверняка он тоже просчитал все до конца. Подвинулся, усту-

пая место Ашоту.

Ашот, усевшись, хлопнул дверцей. Скомандовал:

– Ребятки, вперед. Пока прямо. Там я покажу.

Тронув ручку скорости, Шитик засомневался. Может, это никакой не Ашот, а самый настоящий полуцвет⁴? И они едут сейчас напрямиком в контору⁵? Покосился. Нет, вроде непохоже. Да и потом за ним и Ключом стоит Крыж. А это значит, что все должно быть в полном порядке. И вообще – свое дело они сделали. Взяли груз. И довезли. Об остальном пусть думают другие.

– Стоп, – скомандовал вдруг Ашот.

Нажав на тормоз, Шитик вопросительно посмотрел на него.

– Ребятки, вам придется постоять здесь, пока стемнеет, – объяснил Ашот.

– Постоять, так постоять, – сказал Шитик. – Только покажи, где поблизости туалет. Мы еле терпим. И хорошо бы пожрать чего-нибудь. И попить.

Спрыгнув, Ашот кивнул:

– Идемте.

Проводив их в туалет на ближайшем участке, Ашот подождал их возвращения, а затем куда-то исчез. Скоро вернулся с графином, наполненным желтоватой жидкостью, лавашом и кругом сулугуни:

⁴ Полуцвет (вор. жарг.) – сотрудник милиции.

⁵ Контора (вор. жарг.) – милиция.

– Сок, хлеб и сыр. Хватит до вечера?

– Хватит.

Пришел Ашот, как только начало темнеть. Сев в кабину, сказал:

– Теперь, братки, только вперед. Теперь уж точно с концами.

По указанию Ашота Шитик повернул сначала налево, потом направо, потом снова налево. Ни названий улиц, ни примет пути нарочно не запоминал – в любом случае ни к чему. Если их замели, ничего, кроме зоны, их уже не ждет. Если же все в порядке, они с Ключом найдут потом сто проводников. Да и вообще, передвигаться будут только на тачках.

Повинуясь коротким указаниям, Шитик продолжал крутить баранку. Наконец Ашот сказал:

– Стоп, приехали. – Подождал, пока Шитик затормозит. – Подать назад сможете? К этому гаражу?

На небольшом пустыре, со всех сторон окруженном домами, стоял гаражный блок. Освещенные переносной лампой ворота крайнего гаража были открыты, гараж был пуст. Ясно, для товара. Шитик прикинул: подогнать машину к гаражу будет не просто, места для разворота такой махины маловато.

– Проедете? – спросил Ашот.

– Постараюсь.

– Постарайтесь. – Ашот спрыгнул на землю. – Давайте помаленьку. Я посигналю. И уговор: пока не разгрозим, из ка-

бины не выходить. Хорошо?

– Нам выходить и не нужно. – Шитик начал маневры. Поглядывая то в боковое зеркало, то на Ашота, довольно скоро придвинул заднюю стенку точно к гаражу. Вот Ашот махнул руками: стоп! Дернув ручку тормоза, Шитик увидел двое, выйдя из гаража, начали открывать задние двери. Откинулся на сиденье. Подумал: «Все. Выгрузка скоро закончится. И наступит расчет». На секунду шевельнулось: «Наступит ли?» Успокоил себя: «Наступит». Товар сдан, от расчета не отвертеться. Покосился на Ключа. Тот спросил:

– Не кинут⁶?

– Смеешься. Как они нас кинут?

– Скажем, завалят⁷?

– Пусть попробуют.

Ключ почесал в затылке, согласился:

– Д-да. Завалить нас не просто. Ладно, подождем.

Довольно долго оба сидели молча, прислушиваясь к звукам разгрузки. Наконец в кабину заглянул Ашот:

– Как, ребятки? Можно к вам?

Ключ пожал плечами. Шитик кивнул:

– Почему нельзя. Залезайте.

Усевшись на сиденье, Ашот тронул Ключа за плечо:

– Молодцы. Товар – высший класс. – Убрал руку. – Слушайте, может, заодно сдадите и бандуру?

⁶ Кинуть (вор. жарг.) – обмануть, не заплатив деньги.

⁷ Завалить (вор. жарг.) – убить.

– Какую еще бандуру? – спросил Шитик.

– Трейлер? Вам он ни к чему, а нам пригодится. За ценой не постоим.

Шитик поймал настороженный взгляд Ключа. Покачал головой, ответил:

– Не пойдет.

– Почему?

– Потому что товар ваш. А трейлер... С трейлером мы сами знаем, что делать.

– Зря.

– Может, и зря.

– Смотрите, мое дело предложить.

– Смотрим, – сказал Шитик. – Как там, долго еще?

– Да нет. С полчасика и закончим. Лады?

– Лады. Давайте скорей.

Ашот кивнул и спрыгнул на землю.

Завершение сделки

Теперь Азизов и Вадим Павлович сидели в одной из комнат дома Ашота. Свет не горел, и оба видели только силуэты друг друга. На столе стоял неизменный кофейник с кофе и две чашки. Лишь на блюде вместо хачапури лежало теперь домашнее печенье. Из окна комнаты были хорошо видны освещенные ворота гаража, куда выгружался товар, и задняя часть трейлера. Споро мелькали фигуры людей, освобождавших прицеп от груза.

Наконец Азизов встал, задернул шторы, включил настоль-

ную лампу, сказал:

– Закончили.

– Как будто, – согласился Вадим Павлович.

– Подождем, сейчас придет Ашот.

Они ждали около минуты. Вошел Ашот, доложил:

– Роберт Арутюнович, принято.

– Проверил?

– Проверил. Как договаривались, пятьсот тысяч. Товар в порядке. Вот только... – Цокнул языком. – Я все насчет трейлера. Зачем добру пропадать? Сдайте его нам, заплатим, сколько скажете. И клянусь, не засветим.

Вадим Павлович поднял глаза:

– Засветите, не засветите, не разговор. Тачка должна исчезнуть. Все. Вопросов нет.

Азизов взял чашечку, посмотрел в пространство. Поставил чашечку на место.

– Исчезнуть, так исчезнуть. Понял, Ашот?

– Понял.

– Чемодан здесь?

– Здесь.

– Давай.

Ашот подошел к стоящему в углу дивану, приподнял сиденье, ловким движением достал и поставил на стол средних размеров чемодан.

Чемодан был обычным: из черной искусственной кожи, с двумя ремнями-застежками. Вздохнув, Ашот посмотрел на

Азизова. Тот сделал знак подождать. Спросил, обращаясь к Вадиму Павловичу:

– Договор прежний? Полтора рубля за пачку? Все правильно?

Каждый в комнате, в том числе и Вадим Павлович, прекрасно знал: даже если Азизов будет продавать пачки по госцене, то есть по два пятьдесят, навар все равно будет большим. Но лицо Вадима Павловича по-прежнему ничего не выражало. Он даже как-то скучно сказал:

– Правильно.

– Значит, мы даем вам семьсот пятьдесят штук⁸. За пятьсот упаковок.

– Точно.

– Ашотик, открой.

Ашот отстегнул ремни. Откинул крышку. Чемодан был доверху набит банкнотами в банковской оклейке. Но нет, на Вадима Павловича банковские наклейки никакого впечатления не произвели. Он потер шею:

– Я посчитаю. Подождете?

– Конечно.

Деньги Вадим Павлович считал аккуратно и буднично, шевеля губами и поплеывая на пальцы. Изредка он делал пометки на оклейках старенькой шариковой ручкой. Закончив, отделил ровно пятьдесят тысяч. Остальные семьсот снова уложил в чемодан, пачка к пачке. Закрыв крышку, заты-

⁸ Штука (жарг.) – одна тысяча рублей.

нул ремни. Тихо сказал:

– Все правильно. Семьсот пятьдесят штук. Поезд во сколько отходит? На Москву?

Ашот достал из бумажника два билета:

– Вот ваши два билета. СВ, как просили. Поезд – в двадцать двадцать пять. Два на утренний для ваших ребят тоже есть. Я им сейчас отдам. Двойной номер для них в гостинице я сделал. До шести утра.

– Понятно. – Вадим Павлович пожевал губами. – Я должен что-нибудь за услуги? И за чемодан?

Азизов покачал головой:

– Чемодан и услуги входят в расчет. Сейчас Ашот рассчитается с водителями. И отвезет вас к поезду.

Вадим Павлович полез во внутренний карман пиджака. Достал сторублевую бумажку, протянул Ашоту:

– Все же в должниках ходить не люблю. Возьмите. За услуги.

Ашот посмотрел на Азизова. Тот отвел глаза:

– Ашот, я бы взял. Отказываться неудобно.

– Конечно. – Ашот взял сотенную, сложил в несколько раз. Спрятал в карман. – Спасибо. Я рассчитаюсь с ребятами и мигом.

Взял с дивана пустую спортивную сумку, сгреб в нее пятьдесят тысяч и вышел.

Расчет

Ашот появился из темноты неожиданно. Открыл дверцу, рывком поднялся в кабину, сел. Положил на колени спортивную сумку, спросил:

– Место, куда бабки складывать, есть? А ребята?

Шитик и Клюй переглянулись.

– Найдем. – Шитик достал свою сумку, открыл. Клюй достал свою, тоже открыл.

Ашот дернул молнию:

– Считаем. Кто первый?

Шитик усмехнулся:

– Насчет этого все равно. Кореш ближе, давай с него.

Ашот начал передавать пачки Клюю из рук в руки. Клюй не спешил, внимательно перелистывая каждую пачку. С кидалами⁹ он был знаком, что такое кукла¹⁰, тоже знал.

Передав последнюю пачку, Ашот сказал:

– Все точно? Двадцать пять?

– Точно. – Клюй закрыл сумку. Ашот так же, не спеша, рассчитался с Шитиком. Первые пачки Шитик просматривал, но уже с пятой начал складывать в сумку, не проверяя.

⁹ Кидала (жарг.) – мошенник. Как правило, кидалами называют тех, кто специализируется на перепродаже машин.

¹⁰ Кукла (жарг.) – фальшивая пачка денег, используемая кидалами.

По всему было ясно: фармазонства¹¹ не будет. Не те дела, товар попал клиенту в жилу. Впрочем, с Кряжем так и должно было быть. Он слышал от всех, кто имел дело с Кряжем: он не залетает.

Передав все деньги, Ашот достал бумажник, протянул два билета:

– Два СВ, на утренний поезд. Для вас оставлен двойной номер в гостинице «Тбилиси». Подойдете к дежурной, ее зовут Клара, скажете: от Ашота. Она все сделает. Потом... я слышал, вам нужны шабашники?

– Нужны, – ответил Шитик.

– Сейчас. – Ашот высунулся из кабины, негромко позвал: – Володя, подойди. – Кивнул на подошедшего худощавого человека. – Это Володя, он все знает и все сделает. Володя, по-моему, эта шабашня тоже в «Тбилиси»? А?

Володя кивнул. Ашот спрыгнул на землю, уступая ему место. Поднял руку:

– Все, ребята. Мы в расчете, я вас не видел, вы меня не знаете. Адью.

Володя, усевшись рядом с Ключем, хлопнул дверцей. Сказал:

– Если в гостиницу «Тбилиси», нам прямо.

Шитик убрал тормоз, включил мотор. Осторожно поехал вперед, выбираясь из узкого переулка.

¹¹ Фармазонство (жарг.) – мошенничество.

Отъезд

Остановив белую девятку перед железнодорожным вокзалом, Ашот посмотрел на Вадима Павловича:

– Посадка уже началась. Вещи у вас еще есть? Или только чемодан?

– Только чемодан. Пойду. Счастливо оставаться.

– Проводить?

– Не нужно. Доберусь сам. – Взяв с заднего сиденья чемодан, Вадим Павлович вышел. Ашот дождался, когда он скроется в вокзальных дверях, и уехал, резко развернув машину.

На перроне, подойдя к вагону СВ, Вадим Павлович остановился около проводника, протянул два билета. Подождал, пока тот их посмотрит, и добавил бумажку в десять рублей. Сказал внушительно:

– Я старый человек и люблю покой. Поэтому купил два билета. Постарайтесь, чтобы ко мне не стучали. Хорошо?

Тертый с виду проводник улыбнулся:

– Какой разговор. – Вложил билеты в «гнезда» своей папки. Спрятал десятку. – Чай после отхода подать?

– Если крепкий, выпью.

– Крепкий, а как же. Специально заварю. Заходите, устраивайтесь. Отправимся, я сделаю чай и постучу.

Войдя в купе, Вадим Павлович закрыл за собой дверь, спрятал чемодан под сиденье. Посидев немного, протянул

руку и выдвинул дверной стопор.

Через десять минут поезд «Сухуми – Москва» отошел от перрона.

Договор с шабашниками

Шитик нарочно поставил трейлер перед самым входом в гостиницу «Тбилиси».

Володя посмотрел на часы:

– Наверное, уже у себя. Десять. Вы оформляйтесь, я пошщу бригадира.

– Что они вообще делают? – спросил Шитик.

– Точно не знаю. Кажется, мастерят сауны.

– Откуда приехали?

– Из России. Или из Прибалтики, точно не знаю. Но сами русские. Через неделю уезжают. Что, искать?

– Ищите. Найдете – спускайтесь прямо сюда. И ждите. Когда подойду и начну договариваться, уходите. Вот четвертак, за беспокойство.

Спрятав двадцатипятирублевку, Володя ушел в гостиницу. Шитик и Клюй взяли сумки и пошли туда же.

В гостиницу устроились без труда. Дежурная и глазом не повела на липовые паспорта.

В номере Шитик сказал:

– Если хотим, чтоб было чисто, шабашникам придется дать штуку. Так что скидываемся по пятихатке¹².

Взял у Клюя пятьсот рублей, добавил свои. Бросил:

¹² Пятихатка (разг.) – пятьсот рублей.

– Смотри, чтоб не кемарить... Все же сумки. Понял?

– Будь спок, не засну.

– Посиди, я быстро...

Володя уже стоял около трейлера. Рядом, докуривая сигарету, переминался с ноги на ногу невысокий белобрысый человек. Увидев Шитика, бросил окурочок. Настороженно оглядел подошедшего.

Володя тут же сказал:

– Бригадир. Договаривайтесь, я отойду. – Отошел в сторону.

Шитик спросил:

– Много вас здесь?

– Допустим, пятеро. Со мной. А что?

– Видишь этот рыдван?

Бригадир мельком взглянул на трейлер:

– Вижу, и что дальше? Разгрузать?

– Он пустой. Нужно его разобрать на мелкие части. И оставить на свалке.

Бригадир посмотрел на Шитика, моргнул:

– В каком смысле разобрать?

– В простом. Размонтировать.

– Шутишь? Он же почти новый?

– Никаких шуток. За работу плачу штуку. Аванс – пятихатка. Остальное после выполнения. Причем сделать нужно сегодня. До ночи.

– До ночи?

– Да, чтобы мы могли проверить.

С минуту бригадир рассматривал землю. Поднял голову:

– А... как насчет инструмента?

– Инструмент есть.

– Д-да... штука... Вообще-то работа этого стоит. Минуты три подождать можете? Посоветуюсь с ребятами.

– Только быстро.

– Ясное дело. – Бригадир исчез. Когда же минут через десять вернулся, с ним уже была вся бригада. Отвел Шитика в сторону, предупредил: – Учтите, с работой справимся часа через четыре. Не раньше. Устроит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.